

Михаил Костин
Опаленные войной
Серия «Хроники Этории», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11975769

Костин, М. Хроники Этории. Книга четвертая. Опаленные войной : роман: Кнума (ИП Бреге Е.В.);

Москва; 2015

ISBN 978-5-9905887-3-8

Аннотация

Пути друзей разошлись окончательно. Дарольду удастся разыскать в северных землях и освободить из рабства своих сестер, но это уже не те веселые девушки, какими он знал их в родном Виллоне. Тяжелые испытания ожесточили сердца Ули и Аги, и они превратились в безжалостных валькирий, готовых мстить за свои поломанные судьбы.

Древний город Рам Дир в осаде. В борьбе за него сошлись и люди, и аалы и даже народ подземных изгнанников-даров не сумел остаться в стороне. Льется кровь, звенит сталь, гибнут друзья, отвага сталкивается с предательством, и наши герои постигают мрачную истину: «Войны без смертей не бывает».

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Костин

Хроники Этории. Книга

4. Опаленные войной

© Костин М., 2015

© «Книма» (ИП Бреге Е.В.), 2015

© Оформление, Закис О., 2015

Часть первая

Судьбу не выбирают

Глава 1

Он все решил.

Свеча еле-еле разгоняла мрак в комнате. Легкий сквозняк заставлял трепетать тени на стенах. Рядом лежала веревка, сплетенная из нитей, надерганных из наспех разодранного гобелена. Под крюком стоял табурет. Все было готово. Брюн без колебаний сделал петлю, проверил на прочность. От радости, что теперь, наконец, все кончится, сердце забилося сильнее.

В ту ночь, когда его сыновья, пробравшись через темницы Ориса, пришли за ним, он сгорал от стыда, рассказывая историю своего падения. А ведь еще совсем недавно Брюн Ллойд гордился собой. Удачливый купец, счастливый семьянин, он считал свою жизнь образцом для подражания. Что с того, что он любил играть на деньги? Он не считал это постыдным, пока азарт не сожрал его разум, а вместе с разумом дела, семью и душу. Теперь же сердце его сжималось от невыносимой боли... за жену и дочерей, которые остались в Виллоне, за старшего сына, которого он продал в счет долга, за среднего и младшего сыновей, что, рискуя собственными жизнями, пошли спасать его, недостойного, выжившего из ума, предавшего самое дорогое!

После дерзкого нападения, после визита сыновей, после битвы и допросов куда-то увели сокамерника Рулио, и Брюн остался один. Через пару дней в камеру появился Орис. Он был зол, кричал, плевался, размахивал плетью.

– Ты даже не представляешь, сколько детей прошли через мои руки! – шипел Орис, имея ввиду тех несчастных, запертых в сыром подzemелье. – Думаешь, ты один такой, кто проиграл в карты своих детей? Нет! У меня все подвалы забиты до отказа! Если бы я не продавал их степнякам и ушлым сеньорам, я бы уже давно разорился! – Орис тряс плетью у самого лица Брюна. – Вот вы где у меня все! – его лицо налилось кровью, лоб покрылся испариной, а глаза были готовы выскочить из орбит. – Теперь я буду ставить условия! И я буду повелевать! Твои гаденыши будут служить мне!

Из всего сказанного Брюн понял, что отныне он заложник, потому как его сыновья – избранные и обладают необъяснимой силой, и Орис будет использовать его, чтобы подчинить эту силу себе. Брюн много плакал. Слезы, точно раскаленная лава, жгли его разум, оставляя болезненные шрамы. Брюн все больше ненавидел себя, а потом пришло прозрение. Он осознал, как искупить свой грех. Ему хотелось плакать и улыбаться. Он рвал гобелен и был счастлив. Он вязал узел и надеялся. Он был счастлив в своем помешательстве. Сунув голову в петлю, Брюн без колебаний оттолкнул табурет.

И пришло избавление...

Я видел смерть отца, пребывая во сне, вызванном магией. Видел, чувствовал боль, удушье и... радость от того, что своей смертью он хоть чуть-чуть, но искупил свою вину. Я это понимал, но простить отца не мог. Даже после его смерти... Теперь особенно остро ощущалось собственное одиночество и необходимость спасти сестер. Они – все, что у меня осталось.

Я поежился.

Холодно. Кажется, что тут всегда и везде холодно. В этой промерзшей на метр вглубь земле холод был повсюду. Даже около костра, даже под вспухающей от ветра тканью простенького, на три столба, шатра. Холод сопровождал нас неотлучно – во время тяжелых, длинных переходов, во время ночных стоянок, когда мы, измученные, валились с ног, во сне... в мыслях.

Мои спутники, все когда-то бравые солдаты королевства Нордении, ходили хмурые, с обветренными, потемневшими лицами. Даже темнота пещер не так угнетала, как холод и острый, пронизывающий ветер. Конечно, в этих неуютных землях встречалась жизнь, но, казалось, что ее существование – случайность. Каменистые, поросшие пушистым зеленоватым мхом пустоши сменялись снежными полями, покрытыми настом. Идти по нему было трудно. Наст, на первый взгляд твердый и надежный, проваливался под ногами, обнаруживая снежное месиво, в которое можно было ухнуть по пояс. Одиночные деревья, неведомо каким образом выросшие на этой неприветливой земле, иногда собирались вместе и образовывали редкие, продуваемые всеми ветрами рощицы, не дающие укрытия и только затрудняющие движение.

В первую ночь после того как мы выбрались из подземелья Великой Крепости, спасаясь от братьев Ордена Духов, Эжен, молодой парень чуть постарше меня, стоявший на часах, поднял тревогу. Ему показалось, что нечто большое приближается к лагерю с горы. Камни перекатываются под огромными ступнями, хрустят, крошатся. Он до того перепугался, что едва не бросил пост, и только вмешательство бывшего сержанта, Эймса Олинса, остановило юношу.

– Стоять! – рыкнул Эймс. – Стоять на месте!

И сам двинулся в ночную темноту.

Я хорошо запомнил этот момент. По звездному небу летели рваные тучи. Свистел ветер, раздувая плащи, забираясь под одежду. И где-то в темноте хрустели камни. Я отчетливо слышал шаги. Остальные воины подтянулись поближе друг к другу, ошетинились клинками. Еще один солдатик по имени Аро трясся, как лист на ветру, норовя отойти назад, спрятаться за спинами. Его старший товарищ, ветеран Лус, грубо толкнул паренька древком короткого копья. Аро застыл на месте.

В слабом свете звезд мелькнула большая, косматая тень. Покатались камни. Я остро ощутил собственную ничтожность и бессилие. Только что мимо нашего костра прошло огромное горное чудовище. Великан. Ночное, неизвестное никому существо, жившее, может быть, еще в те времена, когда люди только-только начали походить на людей. Об этих созданиях ходили легенды. Никто их не видел. Но всегда, в каждой деревне, находился кто-то, кто после очередного стакана эля начинал утверждать, что видел следы гиганта, либо слышал его дыхание или храп, а некоторые вообще рассказывали, что пережили нападение великана. В последнее, впрочем, верилось с трудом. Я понимал, что, вздумай великан атаковать, – не помогли бы ни острые клинки, ни древняя магия. Вероятно, остальные мои спутники тоже это понимали, и потому заснуть в ту ночь не смог никто.

Когда бессонная ночь закончилась, и мы поднялись, чтобы продолжить переход через большую снежную равнину, почти у самого горизонта показалась линия далекого леса. Мы устремились туда. Перед нами растянулось снежное поле, обойти которое не было никакой возможности, и потому мы пошли через него, пока дорога не привела нас в узкое горлышко между отвесными скалами. Эймс ругался, ворчал, что будь он каким-нибудь бандитом или убийцей, то устроил бы ловушку именно в этом месте.

– Не кипятись, – успокаивал его Эйо, бывший начальник стражи сира Рона, – тут никого нет. Снег чистый, без следов. И потом – что делать в таком месте бандитам?

– Твоя правда, – согласился Эймс, – но мне все равно здесь не нравится...

К несчастью, он оказался прав. На середине пути наст раскололся с треском, и Аро провалился под снег! Все замерли. Эймс развел руки и сделал несколько энергичных жестов. «Разойдитесь!», – понял я. Бывший сержант обвязался веревкой, бросил конец Эжену, лег на наст и ползком подобрался к краю дыры.

– Эй... Аро! Ты жив?

Ему никто не ответил.

– Не мог же он провалиться под землю...

И вдруг огромный пласт снега начал опускаться! Вокруг зашелестело, затрещало...

– Держи! – крикнул я, но Эжен и сам знал, что делать. Он уперся ногами и натянул веревку.

– Эймс, уходи! Быстрее...

Сержант стремительно откатился в сторону от расширяющейся дыры, вскочил на ноги, рванул назад, увязая в снегу.

– Бегите! – крикнул он. – Бегите все!

Отряд разбежался в разные стороны... Огромный кусок снежного поля просел и неожиданно провалился вниз, в огромную расселину.

– Аро! Ах, ты!!! Все, пропал парень. Аррр! Крысиный хвост! – слышались ругательства, вопли и выкрики. Я не кричал и ничего не говорил, но прекрасно понимал, что бедному Аро не суждено было выжить. Он упал и, как оказалось, пропал навсегда.

– Я же говорю... Не нравится мне здесь, – бурчал Эймс, когда все немного успокоились. Он тяжело дышал, сворачивая веревку. – Совсем не нравится.

– Да уж, – вздохнул Эйо, – скверно все вышло, и Аро потеряли, и пути дальше нет.

– Жалко, хороший был парень, честный, а вот путь дальше есть, – ответил сержант и кивнул в сторону пропасти, – смотри, там, на краю.

Рыжий пригляделся.

– Не понимаю, о чем ты.

– Смотри внимательней. Видишь?

– Нет...

Эймс вздохнул.

– Край. У самой скалы. Снег там не обрушился вниз.

– Но это же просто козырек в пару локтей.

– Да, – Эймс улыбнулся так, будто он увидел десяток обнаженных танцовщиц. – Но это путь. И мне он нравится.

– Идти по козырьку? – удивился Эйо.

– Ну, если ты можешь предложить другой вариант... Можно, конечно, попробовать взобраться на скалу. Я слышал, в Нордении есть смельчаки, что живут рядом с горами и ползают по отвесным скалам, как животные. Лазают по ним буквально голышом. Таскают только сумки с каким-то волшебным порошком, который делает их руки липкими. И так, цепляясь пальцами, ползут по отвесной скале, и даже вниз головой. Как пауки. Они учатся этому с младенчества. Ты, случайно, не один из них?

– Нет, – хмыкнул рыжий.

– Я так и думал. Тогда другого пути нет.

В ответ Эйо недовольно передернул плечами, уже представляя сложность задумки Эймса.

По настоянию Эймса мы послали вперед самого легкого, Вилу. Парню было страшно, но больше всего он, кажется, боялся Эймса. Грозный сержант навис над ним, сурово смотрел из-под густых бровей, зло щерился и втолковывал:

– Слушай, солдат. Слушай и запоминай. Это как бой, понимаешь? Это настоящее задание. Я даю его тебе, как командир! И ты выполнишь его, чего бы это тебе ни стоило. Главное, ты должен выполнить приказ – перейти на ту сторону, солдат! Понимаешь? Перейти живым! Ты перейдешь?! Сможешь?!

– Да, сержант, – дрожащим голосом отвечал Вила.

– Не слышу?! – рычал Эймс, – не слышу, солдат!

– Да, сержант! – крикнул паренек тонким надсадным голоском.

– Не слышу уверенности, – Эймс ткнулся лбом в лоб солдата. – Не слышу, солдат!

– Да, сержант! Смогу! Я смогу!!! – отчаянно закричал парень.

– Вперед! – рыкнул Эймс и оттолкнул солдата. – Твоя задача – перейти на ту сторону, закрепить веревку и страховать следующего. Понятно?

– Так точно, сержант!

– Молодец! – гаркнул Эймс, – молодец солдат! Пошел, пошел, пошел!!!

И парень пошел. Он вылез от страха, цепляясь ногтями в мерзлый камень, а ноги соскальзывали с обледелого снежного козырька. Один раз он обернулся и посмотрел на нас таким затравленным взглядом, что я с трудом сдержался, чтобы не броситься на помощь, хотя и понимал, что это смерти подобно – козырек не выдержал бы двоих.

Парень прошел. И страховал идущих следом, а когда Эймс, шедший последним, перешел на ту сторону, Вила заплакал, но никто не осудил его за это. Ему налили в оловянную чашку двойную порцию сидора, и сержант хлопнул парня по плечу.

– Из тебя выйдет толк, сынок! Бесстрашных людей не бывает, это все сказки для высококобых писак и их деток. Настоящий воин – тот, кто боится, но держит свой страх в узде, вот так держит!

И Эймс потряс жилистым кулаком, показав его остальным.

– Поняли?!

Солдаты послушно закивали, испуганно переглядываясь. Им вообще было тяжело в чужом мире, среди льда, снега и камней. Но они шли вперед, рубили дрова, несли караульную службу, рисковали жизнью. Сержант был доволен парнями. Об этом он по секрету сказал мне на одном из привалов.

– Ребята держатся... Может, из них и выйдет толк. Как думаешь?

– Может, и выйдет. Ты лучше в этом понимаешь, – ответил я и улыбнулся.

Эймс выпятил грудь, важно прочистил горло, а потом гаркнул Дово, шедшему в авангарде:

– Эй, волчья сыть, куда прешь?! Не видишь – снег рыхлый?! Сядем все, как куры в навоз! А ну, бери правее, на каменистый распадок.

Но как бы ни радовали люди, поход становился все труднее и труднее. Мучили бытовые неурядицы, не хватало еды. Солонины осталось совсем немного. Дичь в этих краях попадалась редко. Некоторое количество круп было у каждого, и когда готовился обед, мы понемногу скидывали в общий котел. Лус единственный среди нас, кто умел готовить, топил снег, вываривал небольшой кусок вяленого мяса, добавлял каких-то трав и заправлял все крупой. Этой похлебкой, довольно противной на вкус, мы и питались. Вечером всем выдавалось по маленькому кусочку солонины. Я уже привык засыпать со вкусом соли на языке. Желудок урчал, не собираясь мириться со скудной и грубой пищей, но другой не было.

Надежда на то, что удастся подстрелить что-то к ужину, появилась, когда наш отряд наконец достиг леса. Деревья, вцепившиеся узловатыми корнями в твердую землю, поднимались ввысь и закрывали голыми ветвями небо. Наверное, коротким северным летом листва полностью прятала солнце, и среди деревьев царил вечный сумрак. Кто жил в этих мрачных лесах, кто прятался среди толстых стволов?

Сразу в лес мы решили не заходить и сделали дневной привал у самой кромки. Я так устал, что свалил все свои обязанности на Эйю, а сам сел на войлочную подстилку и укутался в плащ. Мои спутники тем временем натаскали валежник и хворост, разожгли большой костер, и впервые за несколько тяжелых, казавшихся бесконечными, дней, я согрелся. Остро и приятно пахло дымом. Откуда-то приволокли несколько поваленных бурей толстых стволов, устроили некое подобие изгороди вокруг лагеря с одним узким входом. Парням было тяжело, от них валил пар.

– Зачем это? – спросил я Эймса.

– Пусть будет стоянка. Мало ли, пригодится таким же путникам, как и мы, – развел руками бывший сержант, будто бы стесняясь собственной сентиментальности. А потом добавил немного грубо: – Если солдат не работает, значит, он бездельничает, а безделье – верный путь к разгильдяйству. В моем отряде разгильдяев не будет! Эй, за работу, лоботрясы!

Я знал, что за показной грубостью в Эймсе скрывается добрый человек и хороший командир, который точно знает, когда нужно прижать подчиненных, а когда похвалить. В этом плане на сержанта можно было положиться. Вскоре в костер пирамидкой сложили толстые бревна. Так огонь будет гореть не ярко, но зато жарко и долго. Я закрыл глаза и сосредоточился, нужно было попробовать увидеть то, что скрыто от других...

На какой-то момент я почувствовал присутствие чужого разума, которое ощутил тогда, в разговоре с Вар Ло. Но было еще что-то, какая-то помеха, или даже... Я сконцентрировался. Нечто холодное и большое мешало соединиться с призрачным собеседником. Казалось, будто я нахожусь внутри огромного купола изо льда. Мысли перескакивали с одного на другое. И в этом странном пространстве, где не было ни верха, ни низа, я падал и взлетал, но везде натывался на холодную стену. И только где-то там, далеко, за прозрачной твердью, звучал голос.

Мне даже показалось, что невидимый лед дал слабину. Раздался басовитый звон, будто лопнула огромная струна. Я ухватился за этот звук, как утопающий за плывущую мимо ветку, а потом постарался слиться с ним, настроиться на его колебания. Звон стал шириться, зазвучал громче. И уже не струна, а целый колокол загудел в моей голове. Вот уже грохочет камнепад, обрушивается ледяная лавина, и среди этого грохота падающих осколков прозвучало тающее эхо:

– Лес... через лес... Идти через лес...

Неожиданно что-то мелькнуло на самом краешке сознания, как тень всадника на горизонте. Мелькнуло и исчезло. Но я точно знал, что пока оно находится под ледяным колпаком со мной, мне грозит опасность. Пространство стало напоминать бушующее море, или, скорее, поле большой магической битвы. Я осознал, что тут можно исчезнуть или погибнуть. Мой разум метнулся обратно, пытаюсь вернуться в тело, но неведомые магические течения подхватывали меня и принялись швырять, как щепку. Подумав о море, я нырнул, ушел на глубину, туда, куда не проникал еще ни разу, и даже не думал о том, что это возможно. Сразу же волнение стало угасать, но возросло давление, и управлять своим сознанием стало невероятно трудно. В какой-то момент воздух закончился, я начал задыхаться. Давление было чудовищным, мое сознание почти померкло. В страхе, что отсюда можно никогда не вернуться, я рванул наверх и тут почувствовал чужое присутствие. Здесь, на глубине, был кто-то еще. Не маг, нет, существо. Множество существ! Совершенно чужих, удивительных...

Я замер, ощутил прикосновения. Легкие касания. Кто-то трогал меня, будто проверял. И меня опутали легкими прозрачными нитями, которые с каждой секундой становились все крепче! Я задрожал, будто муха в паучьей сети, а хозяин паутины приближался! И тогда в

ужасе я ринулся вверх. С трудом разорвав магические нити, я вырвался из бурлящих волн, поднялся над бушующей поверхностью и устремился к своему телу.

Когда я пришел в себя, надо мной склонился обеспокоенный Эйо.

– Дарольд! Проклятье, ты напугал нас, особенно когда начал метаться.

– Я... метался?

– Да, как в лихорадке.

С трудом я встал и огляделся. Вечерело. Солдаты поработали на славу, и теперь маленький лагерь окружала стена из бревен по грудь высотой.

– Эймс... – позвал я.

– Я тут, – отозвался бывший сержант. Он стоял около дальнего угла миниатюрной крепости.

– Вы отлично потрудились, – сказал я, подходя ближе.

– Главное сегодняшнюю ночь выстоять, – голос сержанта был мрачен.

– Что-то не так?

– Конечно. Вокруг дикая местность, у нас заканчивается еда, мы устали, и ко всему прочему мы тут не одни.

– Нас преследуют? Будет нападение?

Я подошел ближе к стене, всмотрелся в холодные фиолетовые сумерки. По небу неслись грязные темные облака. Злые звезды смотрели вниз, будто стая небесных волков.

– Посмотри... вот там, около большого обломка скалы, – сказал Эймс.

Я присмотрелся.

– Это тот, что похож на спящую кошку?

– Хм... – хмурый сержант позволил себе ухмыльнуться. – Действительно похож. Возле него, справа.

Я посмотрел туда, куда ткнул пальцем Эймс.

– Что ты там разглядел? – спросил подошедший Эйо.

– Следы.

– Да, есть какие-то... – прищурился рыжий. – Мы там не ходили...

– Вот именно, что не ходили, – Эймс выглядел очень собранно – командиру негоже показывать свое волнение. – Следы не наши и ведут в сторону гор, огибая лес и деревья. Но есть кое-что еще.

Эймс махнул солдату, тот отодвинул тяжелую корягу, закрывающую проход, и мы втроем молча вышли за ограду.

К вечеру подморозило, снег сделался рыхлым. Идти по нему было тяжело. Ноги проваливались. Не дойдя до камня нескольких шагов, Эймс остановился и присел:

– Смотрите...

Мы с Эйо послушно наклонились. В сумерках видно было плохо, но запасливый сержант прихватил с собой факел.

– Они же... – я от удивления потерял дар речи. – Это ж следы босых ног! Тут прошли голые люди!

– Голые они или нет... я не знаю, но одно могу сказать точно – они не знают, что такое обувь. И вряд ли сильно мерзнут. Еще что-нибудь видите?

Я осмотрелся, но ничего, кроме нескольких отпечатков босых ног на снегу, не заметил.

– Ничего... И много таких?

– Довольно-таки. Эти ближе других. Потому я и отвел вас сюда, – Эймс повернулся, махнул рукой Дово. – Эй, солдат, что видишь?

– Следы, сержант!

– И еще что?

Солдат на некоторое время замолчал, приглядываясь.

– Они не проваливаются.
– Вот... – Эймс расплылся в улыбке, будто догадливым оказался его родной сын. – Они не проваливаются в снег.

Я посмотрел на свои ноги, по лодыжки ушедшие в снежную крупу.

– И они босые... – добавил солдат.

– Молодец. А теперь шагом марш на пост! – рыкнул сержант, сменив настроение.

– Не проваливаются... – пробормотал Эйо, задумчиво скребя бороду.

– Да, – кивнул сержант. – Они живут в этих горах всю свою жизнь. Понимаешь?

– Почему?

– У них стопа широкая. Специально приспособлена, чтобы ходить по снегу и не проваливаться. Такое бывает... Знаешь, я видел лягушек, которые могут лазать по деревьям. И даже белок, которые умеют летать... С дерева на дерево. Но когда-то, мне сказал об этом один мудрец, они были обычными лягушками и белками... А потом, – Эймс хлопнул в ладоши. – Приспособились. Так и эти...

– А что случилось с тем мудрецом? – спросил я.

– С которым? – сержант почему-то улыбался.

– Что рассказал про лягушку?

– А, – Эймс махнул рукой. – Голову ему отрубили. Самозванец оказался.

Развивать тему я не стал.

– Дарольд, – продолжил сержант, – этих тварей тут полно, и они шли за нами все это время. Понимаешь? Шли, но не подходили близко. А сейчас... Сейчас они ходят кругами, как голодные волки. И думаю, что ночь будет не самой простой... Это я виноват.

– Почему?

– Не стоило строить укрепление, наверное, босых тварей это злит.

– Никто не хочет перемен, да?

– Точно.

– Но теперь ничего не поделаешь, – я огляделся. – Перемены не зовут. Они просто происходят и все. Так что...

Я не договорил.

– Пойдемте-ка обратно, – заявил Эймс, настороженно озираясь. – Не нравится мне все это.

Мы вернулись в лагерь. Тут тоже чувствовалась нервозность. Горели факела. Солдаты расставили их так, чтобы в темноте видеть как можно дальше. Короткие заостренные палки были воткнуты в снег таким образом, чтобы их можно было легко подхватить и бросить. Мечи обнажены. Топоры наготове. Лус зарядил арбалет, но стрел было мало, и надеяться на то, что удастся перестрелять врагов издали, не приходилось.

– Стрелы береги, – распорядился Эймс. – Стрелять только наверняка.

– Как думаешь, нападут? – спросил я.

– Они подошли совсем близко. Изучили место. Не знаю, может быть...

– Что?

– Сейчас я подумал, что эти твари что-то вроде стражи. Похоже, они не хотят пускать нас вглубь леса.

– Вот тебе раз, – хмыкнул я, – а как же страх перемен?

– Это тоже, – Эймс сморщился, – но меня смущает то, что следы старательно обходят деревья. Они будто постовые. К тому же могли атаковать нас и раньше, но выждали, будто не знали, куда мы пойдем.

– Можно подумать, у нас есть другой выбор, – вставил Эйо.

– Есть, – Эймс махнул рукой в темноту. – Там можно пройти стороной. Вдоль скального распада.

– Нет, – покачал головой Эйо. – Надо в лес.

Эймс цокнул языком.

– В общем-то, не важно, по какой причине они желают оторвать наши несчастные головы. Главное, чтобы мы сумели удержать их на плечах.

– Верно.

Сержант двинулся дальше, а мой взгляд упал на Эжена. Тот сидел у костра и правил лезвие меча небольшим, выдавшим виды точильным камнем. Он был хмур.

– Чему печалишься? – я подошел и сел рядом.

Эжен покачал головой.

– Когда ждешь, всегда в голову приходит разная ерунда.

– И все-таки... – протянув руки к теплу, я смотрел в огонь. Языки пламени отплясывали свой завораживающий танец.

– В одном далеком-далеком портовом городе есть улица. Там множество цветов. Разных. Благородные розы, простые ромашки, фиалки, гладиолусы... Цветы там везде. В горшках, вазах. Улица так и называется – Цветочная. Самая красивая улица в городе. Да что там, во всей стране... И пахнет там совсем не так, как должно пахнуть в портовом городишке. Там даже моряки, те, у кого вместо души черствые просоленные сухари, останавливаются и начинают глазеть по сторонам. Будто ничего прекраснее и не видели в своей мокрой жизни.

– Да ты оказывается романтик, – прошептал я.

Эжен сделал вид, что не услышал, и продолжил:

– На той улице живет девушка. Когда-то один молодой моряк обещал взять ее в жены. Она любила его, а он... он тоже любил ее, но просто тогда еще не понимал этого. Потом, конечно, его корабль ушел в море. По воле капитана и по прихоти судьбы моряка мотало из порта в порт. Из страны в страну... А девушка ждала его там, в небольшом городке, среди азалий и роз. Говорят, что она ждет его до сих пор. Приходит на пирс и глядит, глядит на горизонт... Не появится ли его корабль.

Он замолчал. Поднял меч, посмотрел вдоль лезвия и снова принялся подправлять заточку.

– Хотя, скорее всего, она уже давно вышла замуж. И ни к чему теперь обо всем этом думать.

– Я не знал, что ты ходил в море, – сказал я.

Эжен неопределенно хмыкнул.

– Увы, это не моя история, У меня таких историй еще не было... и наверное уже не будет. Знаешь, жизнь человека измеряется не годами, а делами, событиями. Иной человек всю жизнь в одной лоханке со свиньями полощется, а у другого приключений на три века вперед. Несправедливо, а?

Я не нашелся что ответить. Вместо этого я достал меч и, подражая Эжену, посмотрел на лезвие.

– За оружием следить надо, – строже сказал Эйо, он подошел незаметно, я даже вздрогнул.

– Вроде бы все нормально, – неуверенно ответил я.

– Где же нормально... – Эйо взял мой меч, – был бы ты моим солдатом, за такое обращение с оружием не миновать тебе плетей. Смотри. Ржавчина...

Он постучал ногтем по едва заметному пятнышку.

– А вот тут, смотри, кромка завалена! Что ты собираешься им рубить? Капусту на засолку? Дрова?

Я смутился.

– Ладно, – проворчал Эйо, доставая точильный брусок. – Подправлю, покажу тебе, как это делается.

И он, усевшись поодаль, начал с силой водить камнем по лезвию.

– Каждый раз перед боем я вспоминаю об этой улице, – снова заговорил Эжен, – о том сводящем с ума аромате цветов. И о женщине, которая ждет на пирсе. Я не боюсь смерти. Но мне так жаль, что у меня не будет такого...

Больше он не сказал ни слова. Очевидно, ему нужно было побыть в одиночестве.

После разговора с Эженом тоскливое настроение овладело и мной. Я вспомнил дом и родных. Как странно и страшно закрутила все жизнь... Разбросала всё и всех в разные стороны. А ведь когда-то мне казалось, что ничего не изменится, все так и будет, скучно и обыденно. Рад ли я, что жизнь сделала такой крутой поворот? Какой выбор сделал бы, появившись возможность что-то переиграть?

Ответ был один – нет. Я очень хотел вернуть все назад, все исправить, но увы, судьба не позволяет нам такой роскоши. Теперь меня швыряло от одного порога до другого. И решения, которые я принимал, на самом деле, ничего не значили, потому что, когда ветер дует, удел тростника – сгибаться. От осознания этого становилось горько на душе, и силы незаметно оставляли меня.

Чтобы развеяться, я прошелся по нашему небольшому лагерю, и с удивлением обнаружил, что тоска овладела почти всеми... Даже Эймс хмурился, чего за ним обычно не водилось. Вокруг были унылые лица. Лус сидел на корточках, прижав ладони к лицу, и раскачивался из стороны в сторону. И только тут я понял, что в моей голове давно уже звучит чей-то настойчивый голос:

– Очнись! Очнись! Очнись!

У меня словно пелена спала с глаз. Магия! Кто-то неведомый наложил на наш отряд заклинание уныния, и сейчас медленно, но верно, высасывает из людей силы, превращая их в безвольные куклы. Я закрыл глаза – и сразу увидел нечто, напоминающее серебристую сеть, опутывающую весь наш укрепленный лагерь. Времени на раздумья не осталось – я схватил сеть, рванул, пытаюсь разодрать ее...

И в тот же миг у северной стены закричали.

– Тревога!

Отряд мгновенно очнулся от колдовской одури. Будто ветром смахнуло невидимый магический туман. И больше не было уныния. Теперь мы были готовы отразить любую напасть.

– На постах стоять! – крикнул Эймс, на бегу выхватывая меч.

Я тоже поспешил к северной стене. Меня догнал Эйо.

– Что там?

Виля стоял, подняв метательное копье.

– Там, около факела. Он попытался потушить...

И действительно, один из факелов стоял криво. От факела в темноту уходила цепочка следов.

– Кто это был? – спросил Эймс.

– Не понял. Что-то темное... – было заметно, что молодого солдата бьет нервная дрожь. – Волосатое. Вроде как зверь, но на задних лапах. И пахнет...

Только сейчас я обратил внимание, что в воздухе стоит тяжелый острый запах. Так пахнет в берлоге у медведя. Застоялый дух мочи, пота и еще черт знает чего.

– Чертовщина! – выругался Эймс. – Мне на какой-то миг показалось... Чертовщина!

– Верно показалось, они нас магией атакowali, – подтвердил я догадку сержанта, – но теперь чары развеялись, и им придется выйти на честный бой.

– Уж кто-кто, а я готов! – зло откликнулся Эйо, потрясая моим мечом, который он так и не успел заточить по всем правилам.

Эймс поддержал бывшего начальника стражи.

– Солдаты! – зычно закричал он. – По местам! – а в ответ со всех сторон завывали, зарычали на разные голоса неведомые твари.

Я выхватил у Эйо меч и приготовился. Дух с ней, с заточкой, надеюсь, у меня хватит силы и умения зарубить парочку здешних обитателей, если они сунутся через ограду. Твари поперли со всех сторон и сразу. Я кинулся туда, где Эжен и Дово уже кидали копья в косматые тени, что с гоготом бежали на них из ночной темени. Факелы, что горели перед крепостью – погасли, но они сделали свое дело – противник был обнаружен, и каждое копьё нашло свою цель.

Несколько фигур забились на снегу. Однако к нам бежали новые. Теперь их можно было рассмотреть. Они действительно походили на небольших медведей, поросшие черными волосами, с тупыми зубастыми харями и маленькими глазами. Но это были совсем не медведи, а люди, странные, неприятные, уродливые люди ростом на две головы ниже меня. Они не держали в руках оружия и полагались только на свои когти, зубы и магию, которую они испробовали в самом начале.

Эжен бросил последний дротик и подхватил топор. Враг увернулся от копья, прыгнул вперед, вцепился руками в бревно частокола, и тут же на его лапу обрушилась отточенная сталь. Он страшно взвыл и отлетел обратно на снег. Смотреть, что с ним стало, было некогда – через стену уже лез другой зверь! Этого я принял на себя, умело поднырнул под удар лапищей, а потом с силой ткнул мечом в неприкрытый бок уродца. Брызнуло красным, но его это не остановило. Он дернулся и с отчаянным ревом набросился на меня. Пришлось падать, перекатом уходить в сторону. Мой противник оказался очень быстрым – я не успел еще встать на ноги, а надо мной уже нависла косматая фигура, и огромные когтистые руки со свистом рассекли воздух.

Я вскочил, наискосок рубанул снизу вверх по морде противника. Он опрокинулся, захрипел, на снег хлынула кровь. Но в падении он все же сумел зацепить меня.

Удар был сильный! Плечо будто кипятком обожгло. Я пролетел несколько шагов, упал в снег лицом и завыл от боли. В этот момент появился Эжен. Он закричал, пытаясь отвлечь внимание на себя, но враг видел перед собой лишь одну цель, ему был нужен только я. Тогда Эжен сделал рывок вперед и рубанул топором. Удар был сильный, но мохнатый человек только покачнулся. Он взревел, развернулся и отшвырнул солдата в сторону. Но этой секундной отсрочки было достаточно. Забыв о боли, я ухватил меч и, поднявшись на ноги, сжался. Перед глазами все плыло, но я все же видел, что за врагом тянется широкий красный след! Он терял кровь и силы...

Зверь с ревом занес лапу для удара, и я прыгнул в сторону, перекатился и махнул мечом. Клинок пронзил мышцы, пасть и вошел в мозг! Мохнатый противник упал и замер, а я кинулся туда, где лежал Эжен. Неожиданно все факелы погасли, кольцо темноты сжалось. Я потерял Эжена, но в свете еще горящего костра увидел Эйо и Вилу, которые дрались бок о бок, ловко орудуя мечами.

– Где сержант? – крикнул я, подскочив к ним на помощь.

– Там! – Эйо указал клинком на другую сторону лагеря. – Орет!

Действительно, Эймса было хорошо слышно! Он рубился яростно, кричал и сыпал проклятиями. Судя по голосу, рядом с ним размахивал мечом Лус. В этот момент к центру лагеря добралось не меньше пяти незваных гостей.

– Мы не выстоим! Надо отступать к лесу! – крикнул я, отбиваясь от нападающих врагов.

– Сам вижу! – Эйо с рычанием всадил клинок в волосатое брюхо, дернул лезвие назад, вываливая на снег сизые кишки... – Эймс, собирай людей!

– В лес! Все в лес! – объявил сержант.

Медленно, шаг за шагом, оскальзываясь на тающем от горячей крови снегу, мы отходили к лесу. Казалось, резне не будет конца! Ночные гости кидались на нас, не обращая внимания на раны, и пытались выхватить кого-нибудь из строя. Но как только мы оказались в лесу, они остановились. Звери остались там, где не было деревьев, и лишь их злой гогот сопровождал наш отряд, уходящий вглубь леса. Когда ужасные звуки стихли, мы остановились, и я тут же упал на землю. Рядом со мной упал Вила. В ночной тьме казалось, что его лицо полностью черное, и только наклонившись, я понял, что оно в крови. Солдат лежал с закрытыми глазами и тихо стонал. Было не понятно, как он шел все это время. Удар когтистой лапы буквально содрал кожу с его головы.

– Эйо! – крикнул я. – Эймс! Помогите!

– Здесь... – отозвался сержант.

– Нужно отлежаться, – в голосе Эймса слышалась усталость, – ночью мы рискуем заблудиться. Или угодить в ловушку.

– Согласен, – Эйо нехотя кивнул.

– Какие у нас потери?

Рыжий коснулся шеи Вилы, лежащего на снегу, – его мы потеряли.

– Моя вина. Нужно сразу было в лес идти, – сказал сержант после недолгой паузы.

– Не вини себя, – попытался успокоить я спутника.

– А кого мне еще винить? – говорил он со злостью в голосе. – Я должен был предусмотреть! Я командир! И это мой долг и моя вина.

– В том, что случилось, нет ничьей вины, – покачал я головой. Мне было больно слышать то, как Эймс корит себя. – Это просто случилось и все. И чтобы идти дальше, мы должны собраться. Нельзя раскисать. Без тебя мы бы и дня здесь не продержались. Подумай об этом.

Сержант молчал.

Эйо, воспользовавшись моментом, организовал место для привала. Вместе с остальными он нарубил лапника и уложил его на снег. На большее сил уже не хватило, но и такую постель уставшие люди принимали с благодарностью. Первым на часы встал сам Эйо, хотя и устал не менее других. За ним вызвался дежурить Эймс. Мне, несмотря на горячие просьбы, в праве стоять на часах было отказано – после удара плечо сильно кровоточило.

Двое старых служак категорически указали на лапник, а Эйо пожертвовал свой плащ, взамен утраченного во время боя. Луса, Дово и Эжена упрашивать не пришлось. Они спали вповалку, укрывшись плащами и еловыми ветками, зарывшись в них, точно медведи. Перед сном я вдруг понял, что меня окружают настоящие бойцы, крещенные кровью. Своей и чужой. Люди, которые смотрели в глаза смерти и не бежали от нее, а сражались за свою жизнь. Сквозь усталость я вспомнил, как погиб за меня старый отшельник Ирк, как ушел под снег Аро, как тихо умер Вила, почему они пожертвовали собой? За что? За какие блага? Теперь этого уже не узнаешь...

Спрятаться от холода было некуда. Костер мы решили не разжигать, чтобы не привлекать ненужного внимания и не давать предполагаемому противнику ориентир. Вместо этого мы сбились в кучу, так было проще сохранить остатки тепла. Иногда то один, то другой, переползали в центр, – грелись. Во время отступления были оставлены все лишние вещи, в том числе плащи и готовые для поджигания факела. У многих была разорвана одежда. Радовало только то, что раны были легкие. Ночевка в лесу имела только один плюс – деревья гасили ветер. На этом положительные моменты заканчивались.

Уже во сне я ощутил всю ту горечь и боль, которую испытывал стоящий в темноте сержант Эймс. Понял я еще и то, что теперь буду жить с этим чувством всегда. И когда умру, на том свете встречу со всеми, кто отдал свою жизнь за меня. С этим чувством невероят-

ной ответственности я и заснул. Глубоко и без сновидений, как спит смертельно усталый человек.

Утро наступило слишком быстро. Вечно холодные, полные снега тучи неожиданно разошлись, и в прореху выглянуло солнце. Яркое и горячее, на ослепительно голубом небе, оно дарило нам надежду и веру в то, что все получится, что все будут живы...

Я долго смотрел на качающиеся над головой ветки, сквозь которые прорывались солнечные лучи. Было холодно, но не так, как ночью.

– Будем жить... – прошептал я. – Обязательно будем жить.

Сержант, за ночь снова обретший былую уверенность и здоровую злость, уже проверял наши скромные пожитки. Эйо ему помогал, а, завидев меня, спросил:

– Как спалось, дружище?

– Мне всю ночь казалось, что я сплю в зимнем лесу, затерянном где-то в Северных Пустошах, – улыбнулся я в ответ.

Эйо кивнул.

– Очень навязчивый кошмар. Мне снилось ровно тоже самое. Какие у нас дальнейшие планы?

– Прежние, – я пожал плечами и с трудом поднялся на ноги. Все тело болело, плечо жгло, но это была уже привычная боль. Кровь остановилась, повязка, наложенная вчера вечером Эймсом, держалась надежно.

– Двигаемся на восток. Через лес?

– Да, встречаться с босоногими тварями я больше не хочу.

Эйо вздохнул.

– Что-то не так? – насторожился я.

– Наш сержант считает, что эти... люди – только часть тех неприятностей, которые нас ждут.

– Что же еще может случиться?

– Странно то, что они не ходят в этот лес. И тут я полностью с ним согласен. Идти в лес они просто боятся...

– Значит...

– Значит, тут есть нечто более страшное. Какой-то противник, который сильнее них. Может быть, гигантское чудовище.

– Какое, например?

– Ну, про Пустоши рассказывают разное. Но пока реальность бьет самые смелые рассказы. Так что боюсь и представить, что нас ждет.

– И все же мне было видение, в котором я узнал, что обязательно нужно идти через лес...

– Будем надеяться, что это правда.

К нам подошел Эймс. Сержант был собран и подтянут. Каждый ремешок подогнан по фигуре, одежда сидит так, будто он ее только что надел.

– Готов двигаться дальше, – отчеканил сержант.

– Очень хорошо... – я улыбнулся. – Полагаю, про завтрак лучше не спрашивать?

– Увы... – Эймс замялся. – Все запасы остались на поле боя.

– Ничего. Давно хотел скинуть пару лишних...

Эйо улыбнулся.

Нас осталось всего пять. По лесу мы шли споро. И хотя это было связано с лишним риском, я хотел уйти как можно дальше от границы леса. Идти по этой густой чаще было еще сложнее, чем по каменистым пустошам и заснеженным равнинам. Там был снег, предательские трещины, завалы. А тут приходилось обходить упавшие деревья, сцепившиеся друг с

другом и превратившиеся в непролазные буреломы. Иногда на пути встречались большие поляны, заваленные снегом. Ориентироваться становилось все труднее. Порой мне казалось, что мы идем не туда или ходим кругами, но Эйо успокаивал меня, утверждая, что нет такого леса, в котором он мог бы заблудиться. Приходилось верить ему на слово.

Эймс был неизменно мрачен. Сержант нервничал, в любой момент ожидая нападения. Ему не давало покоя то, что косматые твари не решились на преследование, избегая входить в лес, будто тот был проклят. Его настроение передавалось другим. Солдаты шли настороженные, часто перекликались с разведкой, останавливались. Мне и самому не нравилась эта дикая чаща. Но утешал только звучащий в голове голос, который твердил: «В лес!».

К вечеру все основательно вымотались.

Лусу удалось поднять глухаря. Он убил птицу метко брошенным дротиком. Это событие обрадовало всех, и когда Эймс скомандовал: «Привал! Подготовиться к ночевке!», солдаты принялись разводить костерок и ощипывать птицу. Глухарь оказался жестким, несоленым и недожаренным, но после нескольких полуголодных дней эта еда казалась манной небесной. Из мяса капал обжигающий сок. После ужина даже Эймс немного повеселел. Он установил посты и очередность смены, помог построить простейший шалаш из еловых лап. Меня снова отправили спать. Эйо сказал, что для караульной службы, есть они, солдаты, а сержант добавил, что если кто-то думает, что он, Эймс, поставит на пост человека, который общается с потусторонними голосами, тот сильно ошибается. Это было сказано в шутливой манере, но достаточно твердо, чтобы я понял – они оба хотят сохранить мои силы настолько, насколько это возможно. Пришлось согласиться. Эйо отозвал меня в сторону и сказал, так, чтобы не слышали остальные:

– Пойми, Дарольд. Солдатам нужна цель. Нам всем нужна цель! Нужен смысл. Зада-
ние. Иначе мы не солдаты, а так... банда головорезов.

– Не понимаю... Зачем ты мне это говоришь?

– Ты будешь нашей целью.

– Что?

– Ну, не ты как личность, а твоя жизнь. Теперь наша задача сделать все, чтобы ты дошел до места, где бы оно ни находилось.

– Вроде как личная охрана?

– Да. Мы – твоя охрана. Хранить твою жизнь – вот наша главная цель.

– Не понимаю...

Эйо усмехнулся.

– А тебе и не надо понимать, лучше расслабься и почувствуй себя знатным сеньором, – рыжий вояка засмеялся во весь голос.

Другой бы обрадовался, но мне почему-то стало грустно. Я привык делить тяготы походной жизни на всех. И неожиданно свалившиеся на меня привилегии только тяготили. Я вдруг почувствовал, какая большая ответственность ложится на мои плечи. С этими мыслями я ушел в шалаш и лег на пахучий, жесткий лапник. Укрылся плащом. Внутри было неожиданно тепло. Я задремал, а чуть позже ко мне пришло видение.

...Элсон уже давно слышал звук приближающейся повозки. Стук колес по камням и фыркание волов раздалось, как только он вышел из лесочка в небольшую ложину. День стоял солнечный, летняя зелень радовала глаз, всюду щебетали птицы. Жизнь казалась прекрасной. Южанин не торопился, ему хотелось впрок надышаться запахом летних трав.

Когда телега поравнялась с ним, он увидел, что двумя ленивыми волами управляет молодая девчонка: русоволосая, со смешливой мордашкой, усыпанной мелкими веснушками. Встретившись взглядом с Элсоном, она хитро улыбнулась и, прищулив серые глаза, спросила:

– Куда путь держим?

– Пока до Азороса, – широко улыбаясь в ответ, сказал Элсон. – А ты куда?

– Туда же, – ответила девушка. Потом, стесняясь, добавила: – Ну, садись, что ли...

Элсон запрыгнул на телегу.

– Звать тебя как? – спросил он.

– Отец Данькой зовет, – просто ответила девушка. – А вообще я Даниэла.

Девчонка мало походила на Даниэлу. Невысокого роста, загорелая, крепкая, в простом деревенском платье, она ловко управлялась с неторопливыми волами.

– И что? Отец тебя одну в город отпустил? – удивился Элсон.

– Так ведь хворает он. Спину сорвал, вот и отлеживается. А тебя звать как? – украдкой поглядывая на попутчика, спросила Данька.

А смотреть было на что. Из-за жары Элсон был одет только в кожаную жилетку на голое тело и короткие полотняные штаны. Наряд дополняли меч на перевязи да заплетная сума с пожитками. Татуировка на левом плече и лысина создавали определенный колорит.

– Элсоном меня звать, – ответил южанин, незаметно для себя перенимая девичью манеру разговора.

– Зачем в Азорос идешь? – не унималась девушка.

– Я не в Азорос вовсе.

– Тогда куда?

– В Лима Оз, слыхала о таком городе?

– Нет, а что там? Жена?

– Нее, жены нет, в гости к другу решил навеститься, он там правителем работает.

Девушка хихикнула, неуверенно кивнула, и Элсон понял, что она не имеет никакого понятия ни о короле, ни о Лима Оз. Он вообще не удивился бы, если бы Данька сказала, что мир заканчивается на границе Азороса, а за его пределами ничего нет.

– Да врешь ты все, – недоверчиво буркнула тем временем девчонка. – Разве ж друзья королей пешими ходят? Они на хороших скакунах гарцуют, ну, или на худой конец, в каретах золоченых ездют. На таких больших... с мягкими подушками... – мечтательно закончила она.

– Не веришь, значит... – вздохнул Элсон. – Ну и ладно...

Ему совсем не хотелось объяснять, как правитель Лима Оз оказался его другом. А врать не было никакого желания. Элсон огляделся. На подводу были погружены горшки с молоком, несколько головок сыра, пара вяленых окороков. Все это было заботливо укрыто сеном от завистливых глаз.

– На ярмарку? – спросил он.

– Угу, на ярмарку, – весело подтвердила Данька, хлестнув по воловьим спинам бичом.

Она еще много чего говорила: о родителях, о хозяйстве, о непростой жизни без матери, и о том, что жениха нынче днем с огнем не сыскать. За разговорами дорога бежала незаметно, и по расчетам Элсона, ранним утром они должны были прибыть в Азорос. Когда солнце погасло за горизонтом, Даниэла остановила волов – пора было подумать о ночлеге.

Элсон придирчиво выбирал место. В конце концов он увел телегу с дороги, спрятав ее за поросшим кустами оврагом. С дороги не видно, и если непогода разыграется, то овраг укроет и от ветра, и от сырости. Данька тут же освободила от упряжи волов, ловко стреножила и пустила пастись, а сама занялась ужином. Элсон наблюдал за ней, освещенной метущимся пламенем костра. Вот смуглые руки достают краюху хлеба, ловко нарезают мясо, сыр. Увлеченный этим зрелищем, он и не заметил, как Данька уже битый час беззвучно посмеивается, глядя на него:

– Ну и чудной ты!

– Это почему? – удивился Элсон.

– Да, так... – уклончиво ответила девушка. – Эта твоя лысина... Ну чистый степняк! Глаза черные, как уголья! Ручищи – во! – она растопырила пальцы, раздула щеки и стала похожа на бешеную белку. Элсон рассмеялся, хотя на самом деле волос ему было жалко. Свою шевелюру он потерял где-то между лесом Потерянных Душ и Лорандией. То ли это была плата за проход через портал, то ли чертов учитель из башни наложил на него заклятие, но, когда он пришел в себя, волос на голове уже не было. Вспоминая события того дня, он до сих пор не понимал, каким образом остался в живых. Портал выбросил его у небольшого замка в южной Лорандии. Очень некстати там происходила ожесточенная схватка. Желания поймать грудью арбалетный болт не возникало, и Элсону пришлось затаиться до конца боя. Хорошо, замок, в котором шел бой, был частично разрушен...

Сейчас Элсон лежал на спине, впившись взглядом в звездное небо и слушая оглушительный треск невидимых цикад. Сон где-то задерживался. Костер погас, только угли тлели, иногда вспыхивая малиновыми огнями. Где-то посреди ночи Элсон услышал шорох, а потом почувствовал, как теплые руки Даньки обвили его плечи. Он растерялся:

– Данька, ты чего? Отец не заругает?

– Нет, – уверенно прошептала девушка, щекоча губами шею наемника.

– А как же жених?

– Нету женихов, – вздохнула она, еще теснее прижимаясь к нему. – И отец только рад будет. Война ведь... В деревне не то что жениха, ни одного мужика не осталось... Вот и будет мне утешение, да и за хозяйством догляд...

Глава 2

Проснулся я от смутной тревоги, будто рядом раздался какой-то звук – негромкий хлопок или короткий вскрик. Поодаль спали Эймс и Дово, сменившиеся после караула. Осторожно, чтобы не разбудить их, я выбрался из-под плаща и поднялся с лежанки. У костра дремали Лус и Эйо. Рядом стоял на посту Эжен. Ежась от холода, я подошел к караульному.

– Все в порядке?

Эжен вытянулся.

– Никаких происшествий, а что?

– Какой-то шум...

– Это было вон там, – он махнул рукой в сторону.

– Что именно?

Солдат пожал плечами:

– Ветка треснула. Вроде зверек какой-то.

– Большой?

– Не очень, с крупную собаку. Постоял, зенками позыркал и исчез.

– Исчез?

– Ага, как сквозь землю.

– Ты точно не спал?

Эжен вытянулся в струну:

– Никак нет!

Я вздохнул, махнул рукой и двинулся туда, где появлялся странный зверь. Эжен нерешительно топтался позади.

– Тут что ли? – спросил я, подойдя к большой, лежащей на сломанных сучьях коряжине.

– Вроде тут...

– Принеси головню.

Эжен проворно сбегал к костру и вернулся с горящей веткой. В неровном свете были хорошо видны темные следы на белом снегу. Следы оказались крупными. Если это действительно была собака, то очень большая. Следы уводили в чащу.

– Что-то случилось? – голос Эйо, неслышно подошедшего сзади, звучал хрипло.

Я указал на следы.

– Волки? – Эйо поморщился, будто у него болел зуб, и повторил уже утвердительно. – Точно – волки.

– Ну, все ж не человекомедведи, – улыбнулся я.

– Да уж, с волками попроще будет, – кивнул Эйо и невпопад добавил. – Скоро рассвет.

Когда встало солнце, наш отряд быстро собрался. Шалаш и лежаки разобрали, костерок закидали снегом. Еды не было, так что завтрак пропустили. Дово тяжело кашлял. Эймс отдал ему свой плащ, отобрал тяжелый боевой топор, заменив его коротким копьём, которое солдат использовал как посох.

«Был бы с нами Роб или Арк... – думал я, глядя на больного, – они бы смогли справиться с недугом, они же теперь рускас».

Я не переставал удивляться тому, как причудливо и непредсказуемо проявлялись магические способности у каждого из нас. Магия была водой, которая пробивалась через земную поверхность там, где находила выход. Ее невозможно было остановить, и нужно было много работать, чтобы направить поток в нужное русло. Иногда магия становилась совсем

уж неуправляемой и тогда более всего походила на бушующее море. От магии мысли перескочили на Вар Ло. Пока он мне помогает, но что будет потом? И помощь ли это?

Меня давно окружали интриги, предательство и ложь. Я уже почти разучился доверять людям, а тем более нелюдям. А доверять хотелось. Почему-то вспомнилось, как мой новый знакомый вел меня через темные коридоры подземных шахт, уводя от погони в Великой Крепости. Вспомнилось, как показал портал, объяснил, как им пользоваться.

Видения шли одно за другим, перебивая друг друга, перехлестываясь, смешиваясь. Столько видений в один день у меня еще не было. Именно тогда я начал лучше понимать магию, видеть ее. Вар Ло явно знал очень много, но ничего не объяснял сам. Он не учил магии, не учил обращаться с энергией. Но во время общения с ним я вдруг, сам по себе, начал что-то понимать. Будто где-то в плотине открылись створы, и знания лились на меня бурным потоком. С того дня я стал лучше видеть, лучше чувствовать магическое присутствие. Однако умение воздействовать на реальность, менять ее с помощью магии по-прежнему было для меня недоступно.

Помимо магии, Вар Ло рассказывал и о себе. Полное имя его звучало так: Валис Валер Вар Ло. Когда-то он был воином и путешественником. Мне казалось, что все те страны и события существовали задолго до того, как появилась Этория, и это придавало его словам оттенок нереальности и одновременно делало их очень значимыми. При всей своей откровенности Вар Ло ничего не говорил о Ша Море, падение Намори и Хранителях. Он не уходил от ответов, просто откладывал их на потом.

«Сначала твои сестры, Дарольд, – говорил он, – а уж потом истина. Ее мы обсудим, когда ты сможешь доверять мне, а я тебе».

Вар Ло подарил мне надежду, и я ухватился за нее, как утопающий хватается за соломинку. Потеря матери, отца с его несчастной судьбой, разбросанные по Этории братья, друзья – все это давило. Я чувствовал одиночество. Приключения и опасности притупляли горечь, но каждый раз она возвращалась с новой силой. И сейчас, когда спасение сестер было так близко, я не мог сдержать волнения. Но вместе с тем меня охватывало и беспокойство. Как только мы оказались в Северных пустошах, я больше не чувствовал связи. Где он? Ушел? Бросил? И что означали те возмущения в магическом мире, тот ураган энергий, которые я ощутил? Вопросов было много. Даже слишком. И чтобы не мучиться над поиском ответов, я старался сосредоточить все внимание на дороге.

Наш отряд все так же двигался через заснеженный лес. Эжен шел впереди, предупреждая о буреломах, завалах и диких зверях. Но идти было все равно тяжело. Под ногами хрустел сухой, рассыпчатый снег. Он легко проваливался, затягивал вниз. Было холодно, но на ходу холод не так ощущался, зато голод буквально сводил с ума и лишал сил. Мы старались поднять куропатку или какую-то другую птицу, но лес будто вымер. Лишь волчьи следы иногда пересекали нашу тропу. Каждый раз Эйо их внимательно рассматривал и хмурился.

Однажды рыжий вояка почуял неладное. Он остановил отряд и осмотрелся.

– Что-то случилось? – спросил Эймс.

– Эжен... – непонятно ответил Эйо.

– Но я ничего не вижу, – вставил я.

– Вот именно. А мы должны его видеть... Лус, – он ткнул пальцем в старого солдата. –

На десять шагов вперед!

Тот неожиданно бодро сорвался с места.

– Доложить! – крикнул ему Эйо.

– Ничего не видно... Нет... есть. Бежит сюда!

Через мгновение показался Эжен. Он возвращался бегом, с силой выдергивая ноги из снега. Эймс сдержанно зарычал. Очевидно, он уже знал, что будет дальше.

– Приготовиться! Занять оборону!

Мы рассредоточились, встали так, чтобы в случае необходимости иметь возможность помочь соседу, и выставили оружие.

– Докладывайте! – крикнул Эймс, когда Эжен был уже рядом.

– Следы там были, господин сержант, – выдохнул один из солдат, буквально падая на снег. От него валил пар.

– Чьи?

– Не знаю, господин сержант. Вроде собаки... или волки!

– Много? – я видел, как закрыл глаза Эймс, так бывает, когда очень не хочешь услышать то, что точно услышишь.

– Много. Все истоптано.

Эймс посмотрел на небо, потом на меня, и обратился к солдату:

– Хвалю за службу, рядовой. Но отдыхать некогда. Займи оборону.

Эймс отозвал меня в сторону, тут же подошел Эйо.

– Плохо дело, – произнес сержант.

– Почему? – я искренне недоумевал. Мне казалось, что сержант по какой-то причине преувеличивает опасность. В Виллоне волки почти не водились, а редкая встреча со зверем чаще всего заканчивалась тем, что он просто убежал прочь, поджав хвост.

– За нами стая охотится, – пояснил Эймс. – Большая и очень голодная.

– Ничего хорошего, конечно, но ведь это просто звери. Волки... Если мы не будем разделяться, думаю, ничего не случится. Ночью станем жечь костер.

– Ты действительно не слыхал ничего о местных волках, Дарольд? – спросил Эйо.

– Ну... Это же волки, а они везде одинаковы, – ответил я.

– Не совсем... – вздохнул Эймс. – Волки Пустоши – это очень скверные твари. Представь себе собаку, которая ростом тебе по пояс. Лапы не тоньше твоих рук. Когти, которыми можно запросто распороть бок корове. Да так, что кишки вывалятся к черту. Клыки такие, что можно перекусывать кости так же легко, как кролик перегрызает морковку. Добавь к этому силищу, хитрость и кровожадность – получишь волка Пустоши. Эти твари выживают в таких местах, где все остальныедохнут. А встретиться со стаей – верная смерть.

– Да, – согласился Эйо, – а еще они не боятся огня.

– Все животные боятся огня, – не очень уверенно возразил я.

Эймс позволил себе хмурую улыбку.

– Однажды к моему костру вышел медведь, – сказал он. – Перевернул котелок с кашей. Выжрал ее и ушел. Ему, видимо, никто не сказал, что он должен бояться огня.

– А ты что в это время делал?

– Сидел на дереве и надеялся, что каша получилась сытной, и косолапому хватит, чтобы он не решил закусить мною.

– Ну, хорошо, так что же нам-то делать?

– Боюсь, придется драться, – спокойно ответил Эймс.

– Предлагаешь холм? – спросил Эйо со знанием дела.

Сержант кивнул.

– А ты как, Дарольд?

Я пожал плечами.

– Вам виднее.

– Тогда приступим к подготовке. Времени у нас мало...

Впереди снова пошел Эжен. Он привел нас к неширокому, но довольно высокому холму, на вершине которого росла одинокая сосна. Под ней и стали лагерем и все вместе включились в обустройство обороны. Я рубил и таскал дрова, Эйо вбивал колья в мерзлую землю. Дово и Лус затащили на вершину большое старое бревно, очистили от сучков, подперли кольями. Из веревок связали сетку, накидали в нее камней, суковатых пней и прочего

хлама. Весь этот боезапас подвесили на вершину сосны. Под конец приготовлений из крупных смолистых ветвей сложили костер.

– Они придут ночью, – сказал Эймс, – советую всем отдохнуть сейчас, потом будет некогда.

– Почему ты так уверен, что на нас нападут? – спросил я, устраиваясь рядом с костром.

– Сколько мы зверья видели?

– Мало.

– Не мало, а никакого зверья мы не видели! А раз так, то времена голодные и для людей, и для волков. А нас они уже учуяли, мы – ужин!

– Неужели не испугаются?

– Голод – вещь сильная, любую трусость переборет, даже у зверья.

На этом разговор закончился. Я откинулся на лапник и не заметил, как провалился в сон. Мне снилось, что небо над головой превратилось в чье-то лицо, будто кто-то, преисполненный ненавистью, пристально наблюдал за мной. Я попытался укрыться, напряг все силы. Лицо исчезло, а я перенесся далеко на юг.

Ранним утром, когда Азорос только-только просыпался, они подъехали к лавке городского торговца. Отец Даньки сам на ярмарке не торговал. Он доставлял продукты лавочнику, и тот скупал всю подводу, особо не торгуясь. Получив деньги, довольный крестьянин отправлялся восвояси.

Так и сегодня Элсон помог Даньке разгрузить телегу, пока сонный толстый лавочник в засаленной рубаше шумно плескал себе водой в лицо. Данька деловито таскала крынки с молоком и делала вид, что ничего не случилось. Однако даже лавочник заметил, что что-то происходит. Он хмыкнул, молча отсчитал положенные деньги и исчез где-то в глубинах лавки, отдавая зычным голосом распоряжения.

– Ну, что красавица, время прощаться? – зачем-то произнес Элсон. Девушка явно нервничала, словно хотела что-то спросить, но не решалась. Они оба понимали, что сейчас развернутся друг к другу спинами и у каждого с этого момента будет своя жизнь.

– Живешь-то ты где? – спросил Элсон, заглядывая девушке в лицо.

– В деревне... – тихо прошептала Данька.

– А у деревни название-то есть?

– Гула.

В глазах Даньки вспыхнула искра надежды, и на губах заиграла робкая полуулыбка.

– Ну, Дух даст – может, свидимся еще! – попрощался Элсон, но про себя дал обещание вернуться и найти девчонку, если будет жив.

Данька закусила губу, чтобы не расплакаться, села в телегу и под мерное постукивание колес о городскую брусчатку исчезла в предрассветном тумане.

Азорос просыпался быстро. Скоро от утренней тишины не осталось и следа. Элсон битый час толкался по базару. Глаза уже устали от солнца, отражавшегося от белых стен домов южного города. Он хотел найти местечко поспокойнее, где можно перекусить и снять комнату на ночлег. С трудом пробираясь сквозь толпу, Элсон начал злиться. Пара попрошаек буквально повисла на нем, желая щедрого подаяния.

– А ну, прочь, грязное отродье! Я вам монету, а за углом вы мне нож в бок! А ну, разошлись, убогие! – рявкнул Элсон, но через мгновение почувствовал, что его кошелек ощупывают чьи-то проворные пальчики.

– Ай-яй-яй, дяденька, отпустите! – заверещал малолетний воришка, как резаный, когда Элсон схватил его за ухо.

– Мой юный друг, не хорошо обижать детей, – услышал Элсон за спиной дребезжащий старческий голос. Он уже повернулся с намерением высказать защитнику вора все, что думает о нравах в этом городе, но слова застряли в горле.

– Ревор! Ты! – вырвалось у наемника.

Он пинком освободился от карманника, который тут же растворился в толпе, и с надеждой смотрел на старика. Узнает? Тот щурился, с недоверием разглядывая смуглого лысого верзилу.

– Это я, Элсон! – не выдержал наемник. – Только лысый...

В глазах Ревора мелькнула тень узнавания. Старик вдруг сгорбился, как будто его придавило, и стал мелко вздрагивать. Седая куцая борода трясась, по морщинистому лицу покатались мелкие частые слезы.

– Элсон ... – повторял он снова и снова, – как я рад, как я рад...

– А я-то как рад! – взревел Элсон. – Я ж думал, ты погиб! Там, в подземелье... у Ориса... Да ты не плачь, старик! – утешение получилось неуклюжим. – Радоваться надо.

Через пару минут Ревор успокоился и тут же принялся рассказывать о том, что с ним произошло.

– Я тогда только благодаря взрывному порошку жив и остался, – говорил он, медленно шагая по базару рядом с Элсоном. – После взрыва меня засыпало землей, и стражники прошли мимо. Темно там было, и я без сознания некоторое время пролежал... Вот и повезло. Потом очнулся, долго плутал в темноте, все пальцы ободрал, шишек набил, но зато жив остался. Правда, об этом никто не знает. Для всех я так и остался под завалом. И это к лучшему. Если бы Орис разузнал, что я уцелел, он бы меня в раз уничтожил. Так что больше я не Ревор, теперь я Зуларис, скромный лекарь из свободного города Лиор. Сейчас я сына одного городского советника лечу. Мальчонка у него совсем слабый, чуть где ушибется – кровь не остановить. Кроме меня никто не знает, как ему помочь.

Они остановились возле лавки торговца травами. Ревор поздоровался с травником, они обменялись парой вопросов; видно было, что это давние знакомые. Старик купил несколько склянок с темной жидкостью, попрощался с хозяином и двинулся с Элсоном дальше по рынку.

– Это что?

– Что именно? – переспросил Ревор, перекрикивая шум базара.

– Ну, вот эти бутылочки, травки.

– Чтобы зубную боль лечить, – ответил старик и тут же добавил. – Пойдем ко мне, посидим, как в старые добрые времена, поговорим по-человечески. Устал я от этой суеты, хочу тебя в тишине послушать. Чует мое сердце, что у тебя длинная история.

Дома у Ревора было действительно тихо, и что особенно понравилось утомившемуся от жары Элсону – прохладно. Старик жил скромно – маленькая комната на втором этаже доходного дома, кухня и бочка с водой для мытья. На стол накрыл сам Ревор, ему помогала толстая кухарка. Элсон сел и только здесь, в окружении знакомых предметов, понял, насколько он устал, и как много событий пролетело с того времени, как он покинул своего хозяина.

Ревор ел мало, в отличие от Элсона, который с жадностью поглощал горячее жаркое. С его кочевой жизнью хорошая домашняя еда – уже праздник. После того, как они в молчании утолили первый голод, Элсон начал свой рассказ. Он подробно описал побег из Азора, встречу с аалами, не забыл рассказать о духе Жиморе. Потом он поведал Ревору о Рам Дире, как друзьям пришлось бежать из города от братьев Ордена. Как они, потеряли и нашли Рика, о башне странного учителя в глуши леса Потерянных душ, и о том, как он узнал, что Аик теперь правит свободным городом Лима Оз.

Рассказ затянулся до позднего вечера. Кухарка несколько раз приносила холодную фруктовую воду. Теперь, когда Элсон почти закончил, она снова появилась уже для того, чтобы накрыть стол для ужина. После того, как женщина удалилась, Ревор сказал:

– Какой ужас, эта чехарда, эти Хранители, аалы, наемники всех мастей... наша Этория действительно в опасности. Только угроза исходит не от Господина Древности, а от нас самих, так что сосредоточимся на том, что мы сами можем сделать. Пусть спасением мира займутся другие, мы же подумаем о мелочах...

Ревор причмокнул, съел кусок пирога с капустой и добавил:

– Ты говорил, что направляешься в Лима Оз, к Айку, это правильно. Стремительный взлет от простого парня из Норденин до правителя Лима Оз не даст покоя многим, но особенно это разозлит нашего старого знакомого, Ориса. Хитрый купец уже много лет плел паутину вокруг свободных городов. То количество денег, которое сулила власть над ними, не давало ему спать спокойно, а тут появился Аик, который спутал все планы. Уверен, купец не оставит Лима Оз в покое, у него там наверняка есть свои люди, возможно, даже в близком окружении Айка.

– Нужно поторопиться, – заметил Эслон и задумался.

Глава 3

Ревор быстро шел по шумным улицам Азора. Он торопился, как мог. Ноги предательски дрожали, а сердце норовило выскочить из груди. Сегодня утром, проводив Элсона, он как обычно отправился в дом городского главы. Ревор должен был осмотреть наследника – он что-то снова занемог. Мальчишка болел странной болезнью. Он мог умереть от любого ушиба и пореза. Его кровь была настолько жидкой, что могла вытечь вся из-за пустякового пореза, который обычный мальчишка даже и не заметил бы. Ревор был в детской, когда в дом советника прибыл Орис.

– Вы так уверены в том, что ваш план обязательно удастся, что даже дух захватывает от вашей самоуверенности, – благодушно засмеялся отец малыша. Ревор спрятался за шторами на втором этаже, и слышал все...

– Если бы вы знали, какой козырь у меня в рукаве, – заговорщицким тоном сказал Орис.

– Козырь? Это интересно, – все так же с веселым благодушием расспрашивал его хозяин дома.

– Я этот козырь уже шестнадцать лет в рукаве держу, – начал купец. Он поведал своему собеседнику то, что повергло Ревора в ступор, и вот теперь он, взволнованный, пробирался улицами в надежде немедленно выехать вдогонку Элсону, чтобы сообщить, что враги Айка гораздо ближе, чем думалось раньше.

Ревор мысленно прикидывал, что ему может понадобиться для такой поездки, и какие поручения нужно оставить своей пожилой прислужнице, когда увидел, как шайка оборванцев теснит девушку в грязную подворотню. Худое существо в рваных одеждах умоляло прохожих остановиться и помочь, но все делали вид, будто заняты очень важными делами и никому нет дела, что сейчас случится там, в грязном углу у мусорной кучи.

Ревор встретился глазами с несчастной девушкой. В ее глазах было столько мольбы, что старческое сердце дрогнуло от жалости. Девчушке было на вид лет четырнадцать, прохудившееся в нескольких местах платье обнажало тонкие коленки, а ворот уже был разорван до пояса, обнажая девичью грудь. Несчастное создание натягивало лохмотья, пытаясь прикрыть тело.

– Помогите, – прошептала она запекшимися губами сквозь слезы, и Ревор решил заступиться.

– Эй, вы! – выкрикнул он, в надежде, что его голос прозвучит без предательского старческого скрипа. Для пущей уверенности он указал на оборванцев клюкой, на которую обычно опирался. – Оставьте девчонку в покое!

– Шел бы ты, дед, своей дорогой, – навстречу Ревору выступил долговязый парень, у которого только-только начали пробиваться жидкие волосы на подбородке.

– Я тебе покажу, кто здесь дед, а кто щенок безусый! – замахнулся на него палкой лекарь, но ударить не успел. Он не заметил, что сзади к нему подкрался невысокий юркий оборванец, который воровато оглянувшись по сторонам, вонзил нож в спину старику. Грабители тут же оставили свою жертву, подхватили легкое старческое тело и уволокли его в подворотню, поближе к мусорным кучам. Туда же убежала и мнимая жертва, за которую вступился Ревор.

На следующий день разносчик воды обнаружил в грязной подворотне труп старика, а еще спустя час доверенный Ориса передал оборванцам кошелек с деньгами... Восемь медяков – столько, как оказалось, стоила жизнь мудреца из Азора, лекаря и бывшего алавантара, Ревора Ренуара.

Увиденное меня испугало, огорчило и повергло в шок. Я открыл глаза, вздрогнул. Откуда-то сбоку раздался голос Эйо.

– Вставай, вставай, Дарольд! Началось!

Кто-то крепко толкнул меня в плечо. Я вскочил. Жарко горел костер. Весь отряд был уже на ногах.

– Началось, началось! – Эймс возбужденно размахивал мечом. Его рот кривился злой усмешкой. – Началось!

Совсем рядом в ночи взвыли на разные голоса волки.

– Вот они, голубчики! – Эймс неожиданно развеселился, – и не хотят, а идут. Вот они, смотри!

Он указал вниз. В свете луны я увидел, как сплошной серой массой несутся по склону волки. Это были действительно крупные, страшные твари. Серый, густой мех на их спинах слипся, и казалось, что волки покрыты шипами. Оскаленные пасти, горящие красным глаза! На какой-то миг мне почудилось, что я это уже видел. Но потом морок пропал, и я выхватил меч.

– Изготовились! – крикнул Эймс, поднимая вверх копьё, – три, два...

– Волки на северном склоне! – закричал Эйо.

– Один! Давай! – Эймс махнул рукой, в тот же миг Лус и Эжен выбили клинья из-под бревна, которое накануне втащили на вершину холма. Огромный ствол подскочил в воздухе и обрушился вниз, прямо на волчью стаю! Раздался визг, рычание и тошнотворный звук ломающихся костей.

– Хорошо. Грушу на северный склон!

Мы с Дово уперлись длинными жердями в висящую связку камней, пней и коряг, отодвинули ее в сторону склона, на котором тоже заметили волков. Эйо ухватил за веревку, удерживающую узел.

– По-о-ошла!

Узел распался. Огромная сетка, полная тяжелых валунов и коряжин с острыми сучьями, раскрылась, высыпая свой страшный груз на мечущихся животных.

Эймс захохотал.

– Огонь вниз!

На воющих и скулящих тварей посыпались пылающие головни. Работала военная машина, бездушная и страшная в этом равнодушии. Мы бросали вниз по склону толстые горящие сучья. Волки выли, метались между заточенных кольев. Те, кто попал под огонь, вертелись волчком, не в силах унять боль. Со стороны казалось, что весь холм теперь полыхает, объятый пламенем. Следом за огнем полетели заточенные колья. Мы метали их прицельно. Только Духи знают, сколько животных умерло в первые же минуты этой бойни. Но волков было действительно много! И вот уже серые оскаленные морды, пышущие злобой, появились на вершине.

– К бою готовсь! – гаркнул Эймс.

Я схватил в одну руку палку, а вторую, с мечом, отвел подальше для удара.

Волк кинулся снизу, целясь клыками в горло. Я успел сунуть ему в зубы сук, и тут же ударил наискосок, разрубив животному лапу и лопатку! Меч выскочил из страшной раны, свистнул в воздухе, рассыпая вокруг кровавый бисер. Я ухватил его двумя руками и обрушил клинок на голову умирающего волка!

Готов!

Рядом бешено рубился сержант. Вокруг него уже лежало несколько окровавленных туш. Мимо, с визгом, переходящим в предсмертный хрип, промчался пылающий зверь – видимо, он угодил в костер. Больше я ничего разглядеть не успел, с разных сторон приближались новые твари. Я отшатнулся, рубанул тварюгу, что была совсем рядом, но волк присел

на передние лапы и огромные клыки клацнули у моей шеи. В тот же миг второй волк бросился вперед, но я достал его острием клинка. Животное завизжало, покатилося по земле.

Первый волк наступал медленно, расчетливо. Пригнув к земле лобастую голову, он шел, внимательно ловя каждое мое движение. Я не торопился, осторожно отступая к костру, где сражались мои спутники. Жар пламени чувствовался за спиной. Казалось даже, что идти уже некуда, дальше огонь! Я с трудом подавил желание обернуться. Сейчас каждое лишнее движение могло стать смертельной ошибкой.

Первым не выдержал раненый волк, и это предрешило исход схватки. Если бы животное удержалось и по-прежнему оттягивало на себя внимание, то у здорового волка были шансы. Но... раненый бросился мне в ноги. Здоровый зло рыкнул и тоже кинулся вперед. Я отскочил в сторону, пропуская летящего зверя мимо себя, и в прыжке вонзил меч в мечущегося под ногами подранка. Клинок вошел под лопатку, чуть задержался, упершись в ребро, но я повернул рукоять, и лезвие легко вошло в тело. Тварь захрипела, забилась в агонии, роняя на утоптаный снег кровавую слюну. Я тут же выдернул меч и переключился на второго волка. Сладить с этим оказалось непросто. Он умело уклонялся от ударов, и мой меч лишь оцарапал его. Окровавленная морда, оскаленные клыки, злые глаза, в которых горел голодный огонь – волк приблизился вплотную. Я рубанул со всей силы, но не сумел пробить толстую кость лба. Зверь, казалось, обезумел и больше не чувствовал боли и страха смерти. Он пер вперед, страшно клацая зубами, пытаясь поймать порхающее лезвие, которое раз за разом вырывало из тела волка куски плоти. Отступая, я подошел к костру слишком близко и услышал, как на голове потрескивают от жара волосы. Дальше идти было некуда, а зверюга насадала. Вот еще шаг, еще... Клыки щелкали в опасной близости от моей руки. Мне стало ясно – еще немного, и волк вцепится в меня.

В этот момент я решился на отчаянный поступок. Широко махнув мечом, я попытался отогнать хищника. Волк, как я и ожидал, ловко отскочил. Этой секундной задержки хватило, чтобы выхватить из огня пылающую головню и сунуть ее в разъявленную пасть. Дикая боль обожгла ладонь, словно ее пронзило сотней игл, но волк был повержен! Забыв обо всем, кроме красных углей в пасти, чудище завертелось на месте. Я покончил с волком двумя ударами, перерубив ему шею, и огляделся. В нескольких шагах в стороне бился Эймс. Дела у него шли намного успешнее, чем у меня. Как и положено настоящему солдату, сержант не давал воли эмоциям, нанося быстрые, четко выверенные удары.

Залитый вражеской кровью, с мечом, иззубренным о крепкие волчьи черепа, испарянный, в порванной одежде, сержант при этом смеялся! Перед ним стояли три матерых волка, но ни один не смел напасть первым. Они рычали, клацали челюстями, но боялись приблизиться к этому страшному человеку. И тогда Эймс сам сделал шаг вперед.

– Ну что?! Ко мне, ко мне твари!

Он взмахнул мечом.

– Что, не нравится?! А вот так?

Меч сержанта сверкнул в воздухе, выписывая восьмерки.

Волки попятились.

Эймс сделал обманный рывок вперед и ударил влево, вложив в удар всю силу. Большущий волк с подпалинами на холке покатилося в сторону с перебитым позвоночником. Остальные взвыли и бросились бежать. Сержант схватил мертвого волка за горло, поднял его над головой и закричал что-то вслед убегающим тварям.

Похоже, помощь сержанту была не нужна, а вот на северном склоне все еще кипела ожесточенная схватка. В центре драки был Эйо. Он, как осадная башня, возвышался над полем боя, размахивая широким топором на длинной рукояти. Его меч, сломанный пополам, валялся на земле. Обломок глубоко вошел в голову мертвого волка. Вокруг рыжего вояки собрались Дово, Лус и Эжен. Они то отступали перед натиском животных, то снова броса-

лись вперед. У Эжена в руках я заметил тяжелую дубину, которой он орудовал на удивление умело.

И вот волки дрогнули, взвыли... и бросились прочь! Мы же остались на холме, отстояв свое право на жизнь перед лицом дикой природы. Я, тяжело дыша, опустился на землю. За спиной догорал костер.

Удивленно оглянувшись, я вдруг понял, что рассвет уже близок.

– Мы дрались всю ночь? – спросил я у присевшего на обрубок бревна Эйо.

– Что?

– Всю ночь, говорю, дрались!

– Ага, – Эйо улыбнулся. На его лице запеклась кровь. – Когда занят делом, время летит быстро.

Он обессилено закрыл глаза и прошептал:

– Нужно собрать...

– Отдыхай, – сказал я ему. – Я все сделаю.

Но собрать ничего я и не успел – внезапно накотившее видение выдернуло меня в другую реальность, к Айку.

Был промозглый осенний день. Сырой холодный туман неохотно расступился под ленивым порывом ветра, и Айк увидел хорошо знакомую местность – дома, изгороди, деревья.

Виллон. Родная улица. Память калейдоскопом выдала яркие, солнечные картинки детства, совсем не похожие на реальность. Айка бил озноб, то ли от холода, то ли от скверных предчувствий. Он подошел к своему дому. Когда-то белое строение, увитое плющом, теперь зияло черными провалами окон. Сердце сжалось. Куда пропали так любимые матерью цветастые занавески? Он медленно толкнул калитку. Раздался душераздирающий скрип, словно петли не смазывали несколько лет. Эхо подхватило режущий звук и услужливо задушило его в тумане. Что за чертовщина?

Входная дверь была полностью оплетена черными побегами плюща. Айк бережно очистил проем. Дом был пуст. Окна выбиты, по комнатам валялась раскуроченная мебель, а пол на кухне усыпан осколками глиняной посуды. Он снова вышел на пустую улицу. Прошел чуть вперед, чтобы убедиться, что никого в этом, когда-то счастливом городке, нет. Дома брошены, кое-где разрушены стихией. Нет ни кур, ни коров, ни птиц. Никого. Город вымер.

Внезапно на заброшенной веранде одного из домов Айк услышал шорох. Он замер, прислушиваясь. Ветер не может так шуметь. Да, так и есть, там кто-то живой. Юноша в несколько шагов пересек широкую улицу.

В соседском доме с провалившейся крышей пахло плесенью. Осторожно войдя внутрь, Айк обнаружил, что на куче черепицы сидела ярко-рыжая кошка и умывалась как ни в чем не бывало. Увидев человека, она с интересом уставилась на него круглыми желтыми глазами.

– Здесь нет людей. Можешь не искать. Здесь я, да пара худых собак... Виллон погиб. Война, – вдруг сказала рыжая кошка.

– А как же родители? – растеряно спросил Айк, будто ничего удивительного в говорящих котах не было.

– Их увели, – прижав уши к голове, ответила кошка, – давно увели...

– Кто увел? – раздражаясь от немногословности говорящей кошки, рассердился Айк.

– Люди в серо-черных балахонах, – ответила кошка. Ее глаза расширились. Она что-то видела за спиной у Айка. Животное стало приседать, явно готовясь к прыжку. – Они назывались братьями, но на братьев не похожи... – быстро проговорила кошка и прыгнула в лицо Айку.

Айк закричал, проваливаясь в бесконечный туман...

Он очнулся от того, что Рия трясла его за плечо. Правитель-маг открыл глаза. Над ним нависло озабоченное женское лицо. За походным шатром раздавались ржание лошадей и оклики караульных.

– Плохой сон, – протянул Айк, даже не пытаясь успокоить возлюбленную, – совсем плохой.

– Что там произошло, расскажи!

– Виллона больше нет. Родителей нет, сестры тоже нет ...

Айк повалился на кровать и стиснул зубы. Ему хотелось плакать, но маги не плачут, тем более перед любимыми женщинами.

Мне тоже хотелось плакать, а ведь я видел все не во сне, а наяву. Я ходил по тем пустым улицам, залезал в пустые дома, видел заколоченные окна и двери. Я все еще стоял около сгорбившегося на чурбаке Эйо. «Ах, да, я должен был что-то собрать!»

Стычка с волками была очень нелегким испытанием, но мы его выдержали. Никто не погиб, и у нас появилась еда. Волчье мясо. Мы нарезали его тонкими полосками, закоптили на огне. Мясо было жесткое, волокнистое, с трудом жевалось и застревало в зубах, но изголодавшийся желудок принимал любую пищу. После битвы Эймс не позволил нам расслабиться. К вечеру, заготовив еды и очистив несколько шкур, мы покинул холм и пошли в ночь. Взошла полная луна, и стало светло, как днем. Волки не показывались.

– Почему не нападают? – спросил я.

Эйо пожал плечами:

– Животные чужды мести. Они понесли большие потери, сейчас снова нападать не станут, стая порезана. Будут, скорее всего, искать добычу по зубам.

– Но нас же совсем мало.

– Это верно, – рыжий стражник кивнул. – Именно поэтому стоит пройти этот проклятый лес как можно быстрее. Пока они не опомнились.

Я задумался. Мне почему-то казалось, что и медведи, похожие на людей, и волки подчиняются чьей-то чужой воле. Будто выполняют чьи-то злые приказы. А может, так и есть? Надо вспомнить, было ли что-то особое, необычное, во время нападения волков. Нет... Наверное, ничего. Эх, жаль, спросить не у кого. Был бы Вар Ло, я спросил бы, но его и след простыл... хотя не его ли рук это дело? Может, он натравил на нас и волков, и человекомедведей?

«Впрочем... нет, – откинул я шальную мысль. – Чтобы уничтожить отряд, нужно было всего лишь завести нас в какой-нибудь тупик в катакомбах. И бросить там. Вар Ло мог это сделать, но не сделал. Он помог выбраться, помог пройти в лес. Пока враг не он».

Но мне все равно казалось, что волки нападали не по своей воле, кто-то гнал их к нам, но кто? Я снова вспомнил свои ощущения до драки... может быть, волки просто сбились в стаю, как они обычно это делают в голодную зиму, и напали на путников... но нет. Я был уверен, что нападение волков было не случайным.

И вдруг я понял! Это чувство давления, чужого пристального внимания было со мной все время, с тех самых пор, как отряд очутился за Краем Земли. Заметить это раньше было непросто, отряд шел в спешке. Тут уж было не до ощущений. А потом я просто привык к ощущению незримой тяжести, как привыкает человек, живущий на шумной улице, к грохоту телег, ночным шагам и разговорам. И там, где для жителя деревни будет невероятно шумно, горожанин заснет, наслаждаясь тишиной.

А что же сейчас?

Я насторожился, прислушался, невольно замедлил шаг.

– Что случилось? – спросил Эймс.

– Можем мы ненадолго остановиться? – попросил я.

– Привал! – негромко крикнул сержант.

Эймс кинул на землю волчьи шкуры, расстелил поверх них плащ. Я сел, прислонился затылком к стылой древесине. Закрыл глаза.

«Вар Ло?» – позвал я мысленно. В висках закололо, стало тревожно.

«Я тут...» – голос был далекий и усталый. Я облегченно вздохнул.

«Что происходит?» – спросил я.

«Тебе предстоит еще многое узнать, – ответил мой странный знакомый, – я не один... у меня тоже есть враги, с некоторыми из них ты, скорее всего, столкнешься рано или поздно».

«Мне нужно многое спросить у тебя», – продолжил я.

«Нет времени и сил, Дарольд. Ни на вопросы, ни на ответы. Я, сколько мог, сдерживал натиск. Да ты и сам, наверное, почувствовал ту силу, что обратила на тебя внимание... мне трудно даже говорить с тобой...»

Перед глазами метались цветные пятна, а в гулкой тьме бился голос, бесконечно усталый, еле слышный. Никаких образов, никаких чувств. И еще мне казалось, что я погружаюсь куда-то в глубокий омут, темный и холодный.

«Волки, их кто-то послал?»

«Сам... думай... Дарольд, – голос становился все глуше и глуше. Все темнее и темнее воды невидимого омута. – Двигайся... вперед. Цель рядом. Уже скоро...»

Я хотел было спросить о сестрах, но не успел. Все оборвалось. Будто какая-то неведомая сила стиснула мне грудь, выдавливая остатки воздуха. Так бывает, когда ныряешь на слишком большую глубину, и со всех сторон давит темная вода. И снова меня посетило видение, что было, казалось, совсем недавно. Великое множество существ, невидимых, но реальных. Неосязаемых, но одновременно скользких, всепроникающих и таких... живых! Они обступили меня, прильнули к груди, вытягивая остатки тепла. Вот-вот обхватят, потянут еще дальше вглубь, в бездну. Туда, где огромное давление раздавит меня...

Я с ужасом понял, что неведомые магические существа удерживают меня, не дают всплыть, вернуться! Я дернулся, обрывая липкие щупальца, и снова поплыл вверх, поднимаясь к поверхности, туда, где жизнь не призрачна, а реальна. Еще движение, еще... Но твари сжимали кольцо. Все ближе и ближе их призрачные тела. И тогда я собрал последние силы.

Острая боль пронзила сердце, ударила в голову, и тут из груди вынырнуло маленькое солнце, яркое, слепящее. Я едва-едва успел подхватить его в ладони и, обжигаясь, вытянул перед собой. На краткий миг я увидел тех, кто обступил меня со всех сторон – и пришел в ужас, настолько отвратительным был их облик!

Но существа отпрянули и исчезли, опаленные пламенем. А маленькое солнышко потемнело, сжалось до размеров искорки и погасло. В наступившей тьме я поднялся к поверхности. Где-то внизу ждали своего часа отвратительные создания.

Я очнулся. В голове застыл вопрос: «Что это было?»

Я только-только начал понимать магию, многого еще не знал. Я нуждался в учителе, но его не было. Все, кто попадались на моем пути, так или иначе стремились использовать меня, а не учить. Может быть, Вар Ло станет моим учителем? А если он нечестен, как остальные? Ведь и у него есть какой-то интерес, не просто так он вышел на меня, не просто так решил помогать. Ох, как терзали меня сомнения, как изматывали вопросы. И поделиться всем этим не с кем. Эйо и Эймс просто солдаты. Преданные, верные служаки, бесконечно далекие от магии. Они всю жизнь полагались на верный клинок и крепкое плечо товарища. Магия для них чужда и враждебна, она пугает их, как пугает ребенка молния и раскаты грома.

– Долго здесь оставаться нельзя, нам нужно двигаться вперед, – тихо сказал Эймс. Я чувствовал себя усталым. Общение через дальновидение забирало силы.

– Знаю, – ответил я. – Еще пара минут... мне нужно прийти в себя. Пара минут – и пойдем.

Эймс присел рядом, огляделся – не слышит ли кто, и тихо сказал:

– Дарольд, я тебе доверяю, и пойду туда, куда ты нас поведешь. Но все-таки... Какая наша цель? Когда мы бежали от надзирателей через катакомбы, все было понятно. Но сейчас... я просто хочу знать. Как называется то место, та точка на карте, куда мы идем, и стоит ли оно того? Ради чего мы рискуем жизнью?

– Мы идем спасти моих сестер, – отстраненно ответил я. Разговор был неприятен, и я хотел поскорее его закончить.

– Значит, стоит, – кивнул Эймс.

– Конечно, – согласился я и неожиданно для самого себя добавил: – Пойми, мы не просто пробираемся через эти негостеприимные земли, мы... мы творим историю, Эймс! Каждый наш шаг, каждый бой создает то будущее, в котором будут жить наши потомки.

Сержант ничего не ответил. Он только крепко сжал мое плечо и легко вскочил, будто и не было долгих дней изнурительного похода.

– Подъем, лежебоки! Пора в путь!

«И как только у него это получается?» – подумал я, со стоном поднимаясь на ноги.

Эймс беспощадно гнал отряд вперед. Он хотел как можно дальше уйти от места боя, где было пролито столько крови. Сержант понимал, что для всех зверей, населяющих эти дикие края, холм сейчас был приманкой. Запах крови созывал на пир всех хищников в округе. И дело точно не ограничится все теми же волками, которые не преминут полакомиться останками сородичей.

На просторах страшной Пустоши жило немало тварей, чья родословная уходила корнями в седую древность. Сказать, что они опасны для людей – значит не сказать ничего. При этом Эймс знал – зимой свежая кровь манит хищников, как вкусный запах из харчевни усталого путника. Она зовет к себе, как звуки рога созывают стрелков на охоте. И сержанту страшно не хотелось оказаться поблизости от жуткого пиршества, которое устроят твари с Пустоши на холме, где мы приняли бой с волчьей стаей.

Когда-то, в годы молодости, он был ранен. Удар боевого топора пришелся в шлем, но честная сталь выдержала, и молодой Эймс рухнул без сознания. Соратники сочли его мертвым и пошли дальше, прорываясь через окружение. Он очнулся ночью. На поле брани среди мертвецов и умирающих было тихо, жутко и опасно. То, что слетелось, сползлось, сбежалось на запах свежей человеческой крови, уже начало свой пир! И Эймс по сей день просыпался ночью в холодном поту, увидев то, что навсегда врезалось в память в ту ночь. Живые не должны видеть участь мертвых.

Мы шли весь день, всю ночь и целое утро. Только в полдень следующего дня Эймс дал нам передохнуть около двух часов, а потом снова поднял и погнал дальше. Мне было странно видеть, как подчиняются этому жесткому режиму Эжен, Дово и Лус. Эта удивительная вера простого рядового в своего командира подкупала своей искренностью. Видно, так уж устроен человек, что ему жизненно необходим тот, кто возьмет ответственность на себя, тот, на кого можно положиться в сложную минуту. И кому хочется верить. Безотчетно и по-детски.

А что Эймс? Кому верит он? На кого надеется?

И, словно в ответ, в голову пришла мысль: а ведь на самом деле грозный сержант надеется на меня! На Дарольда Ллойда из маленького города Виллон, что затерялся в Буа, на юге Норденин. А все потому, что он верит в то, что я говорю и делаю. Верит в то, что впереди

есть какая-то цель, к которой нужно выйти, и которая окупит этот страшный поход и жизни тех, кто уже погиб и еще погибнет.

Хотя почему я все время называю эту цель «какой-то»? На самом деле цель правая и важная. Спасти сестер! Это достойно, это дело для настоящего мужчины. Но, с другой стороны, кто, в сущности, для Эймса эти девчонки? Кто они для Ирка Мудрого, что остался лежать в подземельях Великой Крепости? Кто они для Аро и Вилы?

Опять вопросы. Опять сомнения.

Я чувствовал себя плохо от подобных размышлений, но по какой-то странной причине они приходили все чаще и чаще. Сомнения терзали, душили. По ночам я частенько видел тех, кто когда-то доверил мне свою жизнь. Кого-то я помнил по именам, кого-то – нет. Эти сны повторялись от раза к разу. Те, кто сгинул неведомо где, стояли в темноте и молчали, а я шел мимо строя этих людей с факелом в руке. И его неровный свет выхватывал из темноты лица. Еще одно, еще... Шаг за шагом, человек за человеком. Все они, умершие и убитые, смотрели на меня, пристально, вопрошающе. В этих взглядах не было враждебности, но была жажда ответа. Ради чего они сложили свои жизни? Стоит ли цель такой платы?

Они спрашивали без слов: «Не сдашься ли ты, не отступишься в момент, когда надо будет платить по счетам? Какое решение примешь?»

Я читал эти вопросы в глазах мертвецов, и тревогой наполнялось мое сердце. Я шел мимо строя, казавшегося бесконечным, а факел чадил и норовил погаснуть. И больше всего на свете я боялся, что факел погаснет. Что питало то пламя? Что горело на толстой суковатой палке? Память? Душа?

К вечеру все валились с ног. Новый переход вымотал до предела. Но мы все равно собрали дрова для костра и выставили караул. Эймс упорно держал походную дисциплину. В конце концов, мы находились на войне, а то, что противник не был похож на человека, было не так уж важно.

Перед самым отбоем Эйо перемигнулся с Эймсом и исчез. Я заволновался, но сержант успокоил, буркнув что-то вроде:

– По делу пошел. Этот не пропадет.

Эйо вернулся через пару часов. Он вынырнул из темноты стремительно и бесшумно. Эжен вздрогнул, поднял копье, но в последний момент увидел, что это свой, и облегченно вздохнул. Рыжий вояка сиял. Он принес, во-первых, целого зайца, которого тут же принялись освежевать солдаты, а, во-вторых, интересную новость.

– Там, впереди, селение, – объявил.

– Да ладно?! Селение? Большое? Людей много? – посыпались вопросы.

– Саму деревню я не видел...

– Тогда откуда знаешь, что оно там есть? – удивился я, отчасти потому, что был уверен – об этом я должен был узнать из видения.

– Дым, – Эйо улыбнулся.

– Может, это от нашего костра? – не сдавался я.

– Нет, я знаю, откуда дует ветер. И потом – от нашего костра хлебом не пахнет. Я же говорю, тут неподалеку деревня. И к ней ведет тропа...

– Прямо-таки и тропа? – я покачал головой.

– Самая что ни на есть тропа, со следами, утоптанная такая...

– Да тебе с голодухи померещилось...

– Я что, на идиота похож? – обиделся Эйо. – Говорю – дым виден и тропинка есть. А это значит, что как минимум завтра мы выйдем к чужому жилищу.

– Уж не знаю, радоваться или печалиться, – протянул Эймс, – что скажешь, Дарольд?

– Не знаю, – неуверенно ответил я, – нужно подумать.

Эйо и Эймс переглянулись.

– Хорошо, – сказал сержант. И, словно бы подтверждая недавние мои сомнения, добавил: – Думай, но недолго, понял?

Я кивнул, и мы вернулись к костру. Там царило радостное оживление. Подбитого зайца уже освежевали, насадили на острые палки и сейчас жарили над огнем. Пахло невероятно вкусно. Я уселся на заботливо нарубленный лапник, укутался плащом и принялся наблюдать за приготовлением. Подошел Дово.

– Простите, господин Дарольд... – он чуть смущенно покашлял. – Вот, пожалуйста. Это вам.

– Мне? – я принял из его рук миску.

– Печень. Меня отец научил ее готовить. У зайца печень нужно лишь немного поджарить, посолить и уже готово к еде. Она сил дает, ух, как много... – он улыбнулся.

– Спасибо, – улыбнулся я в ответ и достал нож. Отрезав кусочек, который тут же отправил в рот, я вернул миску. – Остальное раздай товарищам. Нам всем понадобятся силы.

Парень поклонился и отошел.

– Вот это верно, – раздался над ухом голос Эйо.

Я вздрогнул.

– Что верно?

– Правильно поступил, – пояснил рыжий и отошел. Я же поплотнее укутался в плащ.

По какой-то причине к вечеру сделалось теплее. То ли далекий ветер с юга принес в этот выстуженный край отголоски тепла из пустыни, то ли земля успела нагреться за длинный солнечный день. Сейчас это было кстати. Но сон почему-то не шел. Усталость была невыносимой, но она же и мешала уснуть. Некоторое время я прислушивался к разговорам спутников, которые обсуждали способы приготовления зайчатины и смаковали трофей Эйо, смотрел на качающиеся над головой ветви деревьев. По небу ползли густые серые облака, еще хранившие отблески солнечного света.

В лесу было тихо. Негромко потрескивал костер. Давление, что преследовало меня все это время, сейчас исчезло, и лес сразу перестал быть зловещим. Нападение волчьей стаи уже выглядело выдумкой, страшной сказкой. И события прошлой ночи теперь казались далекими-далекими...

Я заснул. И снова это был не сон. Пространство вокруг сжалось, как будто незримые руки протянулись ко мне со всех сторон и потащили куда-то. С невыносимой скоростью, от которой захватывало дух и по телу бежали колкие мурашки, меня несло по длинному, извилистому коридору с радужными стенами. В какой-то миг стены отступили, и меня потащило над землей, мимо пролетали смазанные картины городов, пустынь, какие-то неведомые постройки, дворцы и еще что-то! От восторга, смешанного со страхом, я чуть не закричал, но крик превратился в смех, потому что каким-то шестым чувством я понимал, что ничто сейчас не может мне повредить!

Полет оборвался также резко, как и начался. Меня подкинуло вверх, к бескрайнему звездному небу! И где-то там, в этой удивительной темноте, я завис, словно одна из бесчисленных звезд.

– Посмотри вниз, Дарольд, – раздался знакомый голос.

Я посмотрел. Под ногами раскинулась вся Этория. С высоты она была такой крошечной.

– Это твой мир, – продолжил голос.

Я взглянул туда, откуда доносился голос. Вар Ло парил на некотором расстоянии от меня.

– Этория, старая земля, и она видела много бед, – образ моего нового знакомого терялся в темноте.

– Скажи, там, в лесу... я что-то почувствовал... не знаю, как сказать. Будто кто-то смотрел на меня, отовсюду и ниоткуда одновременно.

– Это чувство мне знакомо, – голос Вар Ло был грустен. – Твоя жизнь стала чем-то вроде разменной монеты в сложной игре. Хотя... ты не монета, ты мелкая фигура в большой игре. Тебе, наверное, уже приходила в голову мысль о том, что ты уже давно не принадлежишь себе.

– Да, именно так я и думаю, и слышать это неприятно!

– Конечно неприятно, но такова твоя судьба, с этим уже ничего не поделаешь. Не стоит слишком расстраиваться, все могло быть гораздо хуже...

– Куда уж хуже? – возразил я, на удивление во мне не было злости, лишь какая-то усталость.

– Ты мог бы умереть... тебя могли заморозить... похитить... съесть... заставить предать друзей и близких, но ты жив и с тобой по-прежнему верные спутники, готовые отдать за тебя жизнь. У тебя есть цель, а еще скоро ты многое узнаешь. В свой срок, разумеется, но – узнаешь. А сейчас я могу лишь извиниться за то, что не смог предотвратить тот ужас, через который тебе пришлось пройти. То, что произошло с тобой в лесу и подземельях Великой Крепости, в Башне учителя, в Рам Дире и в Азоре – все это происки моих врагов, хотя теперь они и твои враги.

– Мне чужие враги не нужны, у меня и без этого было достаточно недругов.

– Лишние враги никому не нужны, – Вар Ло вздохнул. – Но и с этим уже ничего не поделаешь.

– Мне такой расклад совсем не нравится!

– Он тебе и не должен нравиться. Но справляться с ним придется именно тебе.

– Ерудна какая-то!

– Не «ерунда», а жизнь, Дарольд... тяжелая, сложная жизнь.

– И как по-твоему я с такой жизнью должен справляться?

– Ты сильный герой, ты справишься.

– Ага, справлюсь...

– У тебя большое будущее, Дарольд, и ты чрезвычайно важен для будущего Этории!

– Что-то я не пойму, то я мелкая фигурка, то важен для всего мира, – усмехнулся я, не в силах сдержать сарказма. Вар Ло это уловил.

– Каждая фигурка может стать большой фигурой. Дело только в особых точках.

– Каких еще точек?

– В жизни каждого... – Вар Ло запнулся. – Нет, прости, не каждого. Далеко не у каждого есть такой шанс. Но все же, в жизни некоторых есть моменты, когда они способны решать будущее всех. Так уж вышло, что твое будущее тесно связано с будущим Этории. А значит, те решения, которые ты принимаешь, будут влиять на судьбу всего мира.

– Мелкая фигурка, не важно, при какой игре, не может принимать решения! – возразил я.

– Может, – ответил Вар Ло. – Еще как может! И скоро, Дарольд, очень скоро ты придешь к такой точке в своей судьбе, когда ты выберешь путь и за себя, и за весь мир. После этого не будет поворота назад. Вот такая ты фигурка...

Он тихо засмеялся. Его смех был похож на шелест листьев осенью, когда они, повинуясь дуновению ветра, летят с деревьев на засыпающую землю.

– Посмотри вниз, – продолжил Вар Ло. – Какая она маленькая, эта Этория. Твоя, Дарольд, Этория, твоя!

– А ты... Разве она не твоя?

– О нет, Этория – не мой мир, моя родина далеко, но я не был там уже целую вечность, и скорее всего никогда туда не вернусь... только ты не поудмай, что я жалуясь, нет, на самом деле я не хочу возвращаться домой, я хочу обрести покой!

– Ты говоришь о смерти?

Вар Ло ответил не сразу.

– Ох, Дарольд, я так долго бегал от смерти, так долго избегал встречи с ней. Даже неудобно перед этой страшной гостьей... Но не будем о грустном. Завтра у тебя непростой день. То поселение, что обнаружил Эйо, – Вар Ло вздохнул, – там живут норды. Не самое дружелюбное племя, но это не важно. Важно другое. У них твои сестры. Аги и Ули.

– Как?! – воскликнул я.

– Все время, что ты находишься в Северной Пустоши, я вел тебя к ним. Негоже молодым девушкам быть рабынями у каких-то дикарей.

– Почему ты молчал?!

– Я хотел, чтобы ты убедился, у меня нет желания навредить тебе, Дарольд.

– Но... у нас слишком маленький отряд. Мы не сможем отбить сестер у целого племени!

Вар Ло засмеялся. И в этом смехе послышался шелест травы, по которой гонит волны ветер.

– В этом мире, Дарольд, есть интересная закономерность. Она называется всеобщая связь. Мудрецы древности называли ее Паутиной Судьбы. Да и вообще, много разной дребедени напридумывали эти мудрецы. Скрыли суть за мишурой. Главное – в этой Паутине нет ничего магического. Не нужно творить заклинания, не нужно совершать жертвоприношения. Все просто. И одновременно сложно! Ты играл в азартные игры?

– Один раз... с друзьями...

– Тогда ты, может быть, слышал о том, что многие игроки стараются найти таинственную систему? Они верят, что какие-то карты, фишки или числа обязательно приведут их к выигрышу. Ищут эту комбинацию всю жизнь. Скольких убили из-за этого, скольких предали, ограбили, лишили чести... страшно даже подумать!

– Это же бред.

– Ты ошибаешься, Дарольд. На самом деле Паутина есть! И завтра ты поймешь это. Самое сложное в ней – это найти точки, узелки, на которых завязаны все ниточки. Я слишком долго живу, Дарольд, и поэтому у меня было время разобраться...

– Я не понимаю, как это все поможет мне освободить сестер?!

– Если завтра ты будешь делать все так, как говорю тебе я, то у тебя все получится!

– Хорошо! Говори!

– Ты не должен думать! Не должен рассуждать. А должен следовать моим указаниям.

– Я согласен!

– Ты понимаешь, что даешь согласие стать орудием в моих руках?

– Да!

– Это риск, Дарольд.

– Ты захватишь мое сознание?

И опять Вар Ло рассмеялся, но теперь его смех походил на бурление воды в горной реке.

– Какая глупость!

Он взмахнул рукой, и я вдруг понял, что падаю. Мелькнули пенные облака, метнулся лес, скользнули где-то сбоку огромные горы.

Вот-вот последует удар, несущий смерть, но... в миг все остановилось. Я встал на ноги у небольшого домика.

– Загляни в окошко, – прошептал Вар Ло.

Я послушался и едва сдержал крик.

В небольшой светелке сидели сестры, Ули и Аги... Аги что-то шила, а Ули... плакала, прижав худые ладони к лицу. Ее рубаша была разорвана, виднелись пятна крови.

Картинка почернела, съежилась и умчалась вдаль. Я снова был среди звезд со своим знакомым.

– Видишь... – прошелестел Вар Ло, – Они там, ждут спасения, ждут тебя!

– Я на все готов!

– Прекрасно. К счастью то, чего я от тебя хочу, не потребует великих жертв. Мне не нужен твой разум, сердце или душа, если она вообще существует. Я просто буду голосом в твоей голове. Но каждое мое слово будет для тебя приказом. Если я скажу: «Кричи как петух!», – ты будешь кричать. Если скажу: «Ешь землю!», – будешь есть. Но и это не все, твои спутники тоже должны беспрекословно подчиняться.

– Ты будешь и в их головах?

– Нет, – покачал головой Вар Ло, – с ними связи у меня нет. Они будут выполнять твои команды. Думаешь, они справятся?

– Да, я за них ручаюсь.

Видимо, что-то в моем голосе заставило Вар Ло нахмуриться.

– Пойми, – сказал он. – Это необходимо. Иначе ты погубишь и себя, и их, и сестер... Паутина, которая связывает все события, не терпит грубого вмешательства.

– Опять ты про эту Паутину!

– Конечно! Все события прошлого, будущего и настоящего связаны друг с другом. Если где-то муха взмахнет крылышками, то в другом месте от этого дуновения может случиться ураган. Все вокруг взаимосвязано. Сломал сучок в лесу – где-то обрушилась горная лавина. Есть и более сложные связи. Именно поэтому завязанные картежники ищут выигранные карты или фишки.

– А они есть?

Вар Ло причмокнул.

– Есть... Я назову тебе комбинацию. Запоминай... Тройка, сем...

– Дарольд! Дарольд!

Свет звезд померк. На тело навалилась тяжесть.

Я открыл глаза. Передо мной стоял Эймс.

– Пора, – прошептал он.

– Что? – я закрутил головой. – Куда пора?

– Ух, ты... – Эймс засмеялся, – вот это сны у тебя. Даже завидно!

Я снова был в зимнем лесу. Костер догорел. В небе теплилась заря. Мои спутники сворачивали лагерь, рыжий Эйо раскидывал угли костра. В голове вертелось одно лишь слово – «пора».

Глава 4

В огромном зале царил хаос. Кругом валялась разбитая мебель, куски обгорелых штор, под ногами хрустело разбитое стекло. Айк нашел более-менее устойчивый стул, сел на него и скрестил руки на груди. Двое охранников встали позади, и еще двое у входа. Раздался шум, ввели пленного. Айк ожидал увидеть толстого вельможу с пальцами, унизированными кольцами, дрожащего от страха, а увидел маленького сухого горбуна с глазами навывкате и бородавкой на носу. Так обычно выглядит злодей-предатель на представлениях ярмарочных балаганов.

– Мое почтение, – вкрадчивым голосом произнес горбун.

Айк смотрел на него молча. Он устал. Между бровями, укрытыми легкими каштановыми волосами пролегла глубокая морщина. Зеленые глаза зло щурились. Тонкое смуглое лицо было словно высечено из камня. Эта навязанная война порядком ему надоела. Разводить сантименты с предателем, который объявил о том, что знает, кто настраивает против Лима Оз весь остальной мир, и кто стоит за этой войной, Айк не имел никакого желания. Ему хотелось поскорее закончить разговор и отправиться спать. Почему-то больше всего в последнее время он хотел спать, невзирая на видения и кошмары.

– Я знаю, кто виноват в бедах вашего города, – промурлыкал горбун.

– И кто же? – голос Айка отозвался гулким эхом в разрушенном зале.

Правитель мрачно посмотрел на пленного. Ему было противно иметь дело с этим человеком-бородавкой. Предатель сжался. Горбун явно боялся, что Айк применит к нему магию и вытрясет всю душу из скрюченного тельца.

– Ваш враг – Орис Лександро, купец Шафрановой гильдии из Азора, – слова сыпались из пленного, как горох: – Это он все затеял, он всех уговорил, подкупил, назначил, и меня назначил, и приказал вас убить, но я его проклял и убежал...

– Уведите! – Айк махнул рукой. Слушать дальше горбуна он не желал. Пленный от растерянности, что не произвел должного впечатления, пытался что-то объяснить, думая, что его не поняли. Однако охрана подхватила горбуна под руки и поволокла. У выхода пленный стал вырываться и кричать, моля о пощаде. Но Айк его не слышал, вернее – не слушал. Он поднялся и покинул комнату.

Айк шел через галерею залов, полностью развороченных войной. Город пылал в огне пожара, кое-где солдаты еще добивали остатки сопротивления купленных наемников. Он остановился возле широкого окна. Перед ним открывался вид на площадь. Рядом со зданием городского собрания, стоя на коленях, рыдала пожилая женщина, обнимавшая тело, лежащее на земле. Отсюда не было слышно ее крика, но черный провал рта и растрепанные волосы заставили сердце Айка сжаться. Он не мог на это смотреть. И не мог понять – зачем? Зачем Орису нужно все это? Зачем эта война, эти смерти и несчастья? Айк был уверен, что торговец поступал так не для того, чтобы отомстить ему за взорванную когда-то темницу... у него явно были другие мотивы.

У выхода он столкнулся с Рией.

– Ты куда пропал? – набросилась она на него. Ее доспех был испачкан сажей и смолой, в руках она держала короткий меч. Женщина была на взводе.

– Пойдем отсюда, – сказал Айк и, взяв жену за руку, потащил за собой.

– Что происходит? – пытаясь выдернуть руку, спросила Рия. Она предвкушала, как знатные жители города, икая от страха, преподнесут им символические ключи от города. И просто так, без представления, воительница не собиралась покидать захваченный город.

– Я хочу домой! – печально и коротко ответил Айк, сам не понимая, что имеет в виду, свой походный шатер, родной Виллон или Лима Оз. Он просто повел Рию из города. Охрана еле успевала за ним.

– А как же ключи?! – не выдержала Рия.
– Какие еще ключи? – не понял Айк.
– От города! – воскликнула Рия.
– Пусть принесут в шатер! – бросил он. Воительница подала знак охране, и воины последовали за ними.

В шатре было спокойнее, уютнее, тише. Айк не хотел уходить отсюда, не хотел ничего делать, только лежать рядом с Рией и слушать ее дыхание. Но вокруг шла война, а он был ее главным участником. Краткий миг покоя закончился с появлением гонца – пора было начинать церемонию. Айк накинул белую тогу и вернулся на походный трон. Его окружали соратники, доказавшие свою преданность в деле. Рядом, чуть ниже, на изящной скамье грациозно сидела его жена. Ветер раздувал белые полы шатра, и они облизывали красную дорожку, ведущую к сапогам Айка.

С минуты на минуту появятся несчастные жители покоренного города с ключами на золотом подносе. Церемония спланирована и заранее разобрана по минутам. Однако молодой правитель Лима Оз был хмур. Казалось, что победоносная кампания по захвату свободных городов не нравилась только ему одному. Советники, армия, даже его супруга гордились собственной удачей и военной стратегией. Никто не замечал, сколько боли и горя они щедрой рукой посеяли среди людей, сколько деревень опустело, сколько жителей обречено на голодную смерть, сколько матерей и жен осталось в пожизненном аду одиночества. Айк чувствовал, что все эти люди проклинали его, и, будь у них такая возможность, разорвали бы правителя Лима Оз на куски. А еще он чувствовал, что соратники, прикрываясь его магией, шли завоевывать мир, и никто из них не задумывался о том, что будет потом. А он знал. Перед глазами стоял безлюдный Виллон...

Правитель Лима Оз сидел и отстраненно наблюдал за церемонией. Иногда ему казалось, что реальность терялась, и он видел не лица, а чувства. Айк вдыхал черные струйки ужаса, исходившие от старейшины покоренного города. Его жена источала золотой цвет глубокого удовлетворения, смешанного с самодовольством, а преданный советник Таорунг был в сине-зеленом тумане, он просто устал. Когда старейшина протянул Айку поднос с ключами, он не шелохнулся. Все замерли. В шатре повисла неловкая пауза. Айк долго смотрел на пожилого, тучного вельможу. Он видел его целиком и полностью, со всеми страхами и болью. Ему даже стало жаль старейшину. Правитель сделал еле заметный жест, и тот с облегчением передал ключи Рие. Она с достоинством поднялась со скамьи рядом с тронном и, подняв ключи над головой, крикнула:

– Победа!

«Победа!» – звучало в моей голове. «По-бе-да... А что сулит мне новый день? Победу? Беду? Смерть?..»

К полудню мы подошли к деревне дикарей. Она располагалась в небольшой долине, со всех сторон окруженной лесом. Из печных труб поднимался дым. Пахло хлебом, жильем и скотиной. От запахов скрутило желудок. Жутко захотелось в тепло, в постель. Захотелось видеть стены вместо осточертевшего леса, лежать на мягком тюфяке, а не на жесткой земле...

Деревня была окружена невысоким частоколом, над которым возвышались две сторожевые башни. Там дежурила пара увальней в овчинах, натянутых до самых глаз. Видно было, что сторожам было холодно и лень что-либо делать. Смотрели они куда угодно, но только не туда, куда следовало.

– Что там? – спросил Эймс.

– Пара стражей, охрана паршивенькая, но визг поднимет, – ответил Эйо.

– Это уж точно. Не думаю, что норды будут слишком рады нас видеть.

– Можешь быть уверен, – сказал я, – но там сестры.

– Понимаю, – Эймс кивнул. – Пойдем на штурм прямо сейчас? Или все же дождемся темноты?

Я покачал головой и спросил:

– Ты мне веришь?

– Ну... – сержант, казалось, стушевался.

– Ты мне веришь? – повторил я.

– Да, – ответил Эймс твердо, но как-то сухо.

– Тогда делай, как я скажу. Даже если тебе покажется, что мои приказы звучат как бред.

– Хорошо, – ответил Эймс после мимолетного замешательства.

– А что за приказы-то? – встрял Эйо.

– Не знаю еще, – признался я.

– Это как? – удивился рыжий.

– Магия! – бросил я, и это вновь сработало. Все же слово «магия» разрешала любые споры.

Мой новый знакомый не заставил себя ждать.

«Видишь ли ты двух часовых?» – прозвучал голос Вар Ло в голове. Я напрягся. На башне сидели двое.

– Да, – ответил я.

– Что? – не понял Эймс.

– Извини, это не тебе, – я сжал плечо сержанта. – Сейчас, прости, я буду вести себя странно.

– Как скажешь... – с сомнением ответил Эймс.

«Видишь двух часовых?» – повторил вопрос Вар Ло.

– Вижу, – говорил я вслух, не обращая внимания на Эймса, косившегося на меня в недоумении.

«Их надо убить. Но не сейчас. Сделай так, чтобы твои солдаты были готовы убить их, когда прокричит петух».

– Какой еще петух?

«Просто петух, птица!»

– Я понял. Эймс! – обратился я к сержанту, – двух часовых надо будет убить, но не сейчас, а когда прокричит петух. Понимаешь?

Эймс исчез, вскоре вернулся, тяжело дыша.

– Будет сделано.

Я кивнул.

«Видишь у стены большой сугроб... бери рыжего и бегите туда», – зазвучал голос Вар Ло.

Я ткнул Эйо в бок. Он охнул, но, верный своему слову, поспешил за мной. Вместе, проваливаясь в снег по колено, прямо на глазах у стражей, скучавших на башнях, мы побежали к забору. Удивительно, но стражи не обратили на нас никакого внимания. Укрывшись за сугробом, я осторожно высунул голову.

«Сейчас, – сказал Вар Ло. – Взбирайтесь на сугроб, но осторожно. Он скользкий».

Цепляясь за бревенчатую стену частокола, я принялся взбираться по снежному склону. Тот действительно оказался скользким, покрытым льдом и от этого очень твердым. Норды и не знали, что у них прямо под носом находится такая большая осадная башня. С вершины сугроба можно было легко перемахнуть через стену.

«Жди...» – сказал Вар Ло.

За частоколом слышались шаги, закрипел снег.

Мы с Эйо испуганно замерли. Человек с той стороны стены подошел совсем близко. Остановился.

«Сейчас! Прыгай, убивай! Убивай всех, кого увидишь!»

Ухватившись за бревно, я толкнулся ногами, прыгнул и с высоты двух метров обрушился на норда, стоявшего под стеной. Удивительно, но я сломал ему шею! Для этого не нужно было прикладывать никаких усилий, это произошло само собой. Хрусть! И вот уже мертвый норд лежит на снегу.

– Ну, ты даешь, – Эйо, перепрыгнувший через забор следом, только руками всплеснул.

– Это не я! – я попытался оправдаться.

– Ну да, рассказывай...

В голове прозвучал тихий смешок. По спине пробежали мурашки. Легкость, с которой я убил человека, поражала. Действительно, несчастный случай. Не подкопаешься! Я подумал, что теперь никогда не буду верить в случайность. Случайностей, судя по всему, не бывает...

Я бы с удовольствием поразмышлял на эту тему, но времени не было.

«Берите ведра с помоями, – прозвучал новый приказ, – они стоят справа. Лейте через стену!»

Я подхватил ведро, которое действительно стояло совсем рядом, и выплеснул все содержимое за стену. Вышло не слишком аккуратно, вонючая жидкость щедро обрызгала нас обоих. Рыжий поморщился и повторил мои действия.

– Теперь-то я понимаю, почему у них там сугроб ледяной... – проворчал он.

«Идите с ведрами к ближайшему дому... не торопитесь», – скомандовал Вар Ло.

Чувствуя себя полным идиотом, я шел по деревне с пустым ведром. Следом за мной, вытаращив глаза, следовал Эйо.

«Поставь ведро у входа...»

Мы замерли в нерешительности.

Из-за двери слышался женский голос. Дама что-то раздраженно кричала.

«Не обращай внимания. Она не слезет с кровати, решит, что муженек с приятелем направились к друзьям. Поругается и заснет. А вот если бы вы не вернули ведра, она бы забеспокоилась... – Вар Ло говорил тихо, но разборчиво. – Теперь иди к соседнему дому, но не мимо окон! Сверни...»

Мы пробрались к стене соседнего домишки.

«К дверям».

Мы подошли к створкам.

«Сейчас выйдет человек... пройдет три шага, и ты скажешь...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.